

• ФАНТАСТИКА

АЛЕКСАНДР КИРИЛЛОВ

ЦИКЛ: ЗАКАЛЕННЫЕ БУРЕЙ

ЗАКАЛЕННЫЕ БУРЕЙ (1)

zeluloza.ru

Александр Кириллов
Закаленные бурей 1

«Автор»

2023

Кириллов А. Л.

Закаленные бурей 1 / А. Л. Кириллов — «Автор», 2023

Александр Королев попадает в тело Алексея Семёнова – учащегося старших классов гимназии города Санкт-Петербург. На сей раз он оказался в 1900 году в царской России. Страна стояла на пороге великих потрясений и политических бурь. И нашему герою снова пришлось искать своё место в новой жизни. Впереди его ожидали новые дела, победы и поражения, встречи и расставания

© Кириллов А. Л., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Гимназист	5
Глава 2. Школьные забавы	16
Глава 3. Приобщение к культуре	26
Глава 4. Дела житейские	32
Глава 5. Маёвка	39
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Кириллов

Закаленные бурей 1

Глава 1. Гимназист

Я проснулся в какой-то казённой палате, пропахшей медицинскими микстурами, из чего сделал гениальное умозаключение о том, что я в больнице. В голове сформировался первый вопрос: «И как это меня угораздило сюда попасть?» На меня смотрела молоденькая медсестра с очень сочувственным взглядом. Я пристально посмотрел на неё в ответ и задал второй вопрос: «Кто я?»

– Ты ничего не помнишь, мальчик?

– Ни-че-го! Какой же я тебе мальчик, девочка? Мне очень много лет!

Голосок, которым я это пропищал, действительно был ломким голосом юноши, полностью отличающимся от того командного окрика, к которому я привык. Медсестра куда-то ушла, а я снова предался анализу ситуации.

– Да что же это такое! Я Рай хочу увидеть, а меня все по Земле–матушке носит! Кто же я теперь?

В голове ненавязчиво пробивались отголоски воспоминаний чего-то очень далёкого. Масленица! Сколько в этом слове праздника. Народные гуляния. Празднично одетые люди идут по Невскому в сторону Зимнего дворца. Официанты зазывают гуляющих петербуржцев в блинные и трактиры, лоточники с вкусными пирожками и пирожными снуют среди толпы, рекламируя и продавая свой товар.

Вот это я, рядом со мной идёт приятная женщина, своим видом напоминающая учительницу, рядом с ней мужчина с закрученными вверх усиками – мой отец, который, судя по его имиджу, тоже представитель интеллигенции. Вспоминаю, что он инженер на корабельном заводе.

Мы останавливаемся возле Гостиного двора. Хочется пройтись по его магазинам, прицениться и купить что-нибудь хорошее. Это очень модный универмаг, там есть качественные, но весьма дорогие отечественные и зарубежные товары. Мимо по дороге проезжает коляска с каким-то важным чиновником. Вдруг раздаётся взрыв, летят осколки, падают люди, падают мои родители, что-то бьёт меня в грудь, отчего становится очень больно. Крики, шум, плач и стоны вокруг. Я теряю сознание.

Следующее воспоминание. Операционный стол, мне выдернули пинцетом осколок и что-то сшивали, но у меня жар, давление на виски, тяжело стучит сердце, мне плохо и очень больно. Потом меня отвезли в палату, наступила ночь, а ещё через несколько часов пришла темнота и гимназиста Алексея Николаевича Семёнова не стало. Забрезжил рассвет и глаза открыл уже совсем другой человек.

Я уселся на железную койку с куцым матрасом и чистым, хорошо отбеленным постельным бельём, пусть даже просвечивающимся от старости. Осмотрел себя и пришёл к неутешительным выводам.

– Н-да! Это не Рио-де-Жанейро! Хотя, чем в этом городе было бы лучше товарищу Бендеру, я не понимал.

Для начала я осмотрел себя – худощавый, стройный паренёк, каких сотни тысяч. Затем поднялся и потопал в туалет. Там я сделал очень важные утренние дела, после которых, подойдя к висящему над раковиной зеркалу, увидел себя во всей красе.

– Что же, вполне себе интеллигентная, даже аристократическая морда, пардон, лицо с тонкими и правильными чертами. Нос тонкий и ровный, в отличие от всех моих предыду-

щих жизнью, где его исправно искривляли кулаками в уличных драках или спорте, что есть очень хорошо. Темные волосы, глаза карие, рост примерно 175 сантиметров, что для 17-летнего парня вполне нормально – вытянусь ещё. Правда, физически хлипковат. Одним словом нормальный, симпатичный пацан, будущий Казанова и Дон Жуан в одном флаконе – таким жить можно, а мускулатуру накачаю.

Вернувшись в палату, где лежало человек десять больных, увидел хлопотающую там сестричку.

– Куда вы пропали? Вам ещё нельзя ходить, вам надо лежать! Ложитесь скорее, а то мне достанется, что не уследила.

Тут по закону подлости в палату вошла комиссия врачей, совершающая утренний обход. Суровый дядька, напоминающий Айболита, увидев меня стоящим, с порога зашумел.

– Юноша, вы почему стоите!? Алёна, почему разрешаете вставать тяжелобольному. Вы будете наказаны!

– Господин профессор, я только...

Мне стало жалко девушку, поэтому я тоже вступил в словесную баталию.

– Профессор, вы в корне неправы. Лишь благодаря тому, что рядом со мной была Алёна, я резко пошёл на поправку и практически выздоровел. Я вообще не могу понять, почему я тут лежу и до сих пор не выписан.

– Что вы такое говорите!

– Померьте у меня температуру, помажьте чего-нибудь зелёной и выписывайте, я совсем здоров.

«Сергей Петрович, – обратился он ко второму доктору, моему лечащему врачу с фамилией Череватенко, – давайте посмотрим на его рану, а то он, действительно, с утра слишком бойкий».

Врач снял с груди перевязку и вместо зашитой рваной раны все увидели розовый шрам.

– А где рана?

– Поразительно! Только вчера зашили, а сегодня лишь шрам, как будто прошло три недели! Этот нонсенс.

«Чего это вдруг нонсенс! Я от природы такой живучий!» – вступил в разговор я.

– Да-с, поразительно! Это хорошо, что вы, молодой человек, выздоровели. К сожалению, у меня для вас плохие новости.

– Это как, я же здоров?

– Мужайся, парень, мы не смогли спасти твоих родителей, слишком большая потеря крови, а осколки поразили жизненно важные органы. Прошло много времени, пока их доставили в больницу, и, увы, несовершенство медицинской техники – мы были бессильны.

У меня по лицу потекли слезы. Плакал не я, а тот мальчик, который был ещё вчера Лёшей Семёновым. Я же спокойным голосом произнёс: «Что же, будем жить дальше. Давай вперёд и не бойся, а там прорвёмся. Как тут вообще людей хоронят? Когда мне забирать родителей или у вас иной порядок?»

– Похороним за счёт города. У вас есть родные?

– Понятия не имею, то бишь, есть, наверное...

– Мальчик совсем растерялся, немудрено!

Я услышал слова врачей, но лишь кивнул в знак согласия. Я действительно растерялся, потому что теперь передо мной стояла целая куча проблем и вопросов, как тут жить. И главным стал вопрос денег. Есть ли у нашей семьи запас на чёрный день или нет, где он хранится, а где мне добывать деньги? Это не СССР с приличной оплатой грузчика, да и грузчиком пахать я не собирался – слишком хлипкий был для этой профессии. А надорвёшься, считай, помирать можно, ибо кто тут межпозвоночные грыжи вырезает, да и с обычными, брюшными, тоже не так-то всё просто.

Как я вскоре узнал, жила наша семья в доходном доме на Мойке рядом с доходными домами фон Дервиза, где в будущем откроют музей, значит, вносила ежемесячную плату. Сейчас же я был совершенно не в курсе: где жила, кому вносила, платил ли я за обучение в гимназии? Лёша знал ответ лишь на первый вопрос, остальное его не касалось.

В общем, выписали меня из Обуховской больницы в тот же день, выдали родительские вещи типа портмоне отца и дамскую сумочку мамы. Из обнаруженной в отцовском портмоне наличности я заплатил похоронной команде за последний макияж лиц моих родителей.

Выйдя из больницы, увидел нескольких ребят, ожидающих разрешения зайти в палату ко мне. Оказалось, что это были мои школьные друзья: Мишка Докторов, Сашка Извилин, Серёга Медунов, Женька Володарин, Димон Кораблёв, Колян Тяпкин и Димка Таганов.

– Здорова, братва!

– Здорова, Сэм! Как ты?

– Чуть не помер, но выздоровел, а вот родителей у меня теперь нет.

– Твою же!.. Леха, держись!

Парни обнимали меня, хлопая по спине, и, смущаясь, говорили: «Ты, если что позови, мы придём, поможем, чем надо».

– Спасибо, мужики! Осмотрюсь малость, свыкнусь, а там поглядим.

Через день я был на кладбище, где похоронили родителей Алексея. Мои друзья также пришли проводить в последний путь знакомых им с детства людей – все они бывали у меня в доме, как и я у них, делая домашние задания или просто играя. Мы стояли, сняв головные уборы, затем возложили бумажные цветочки на холмик промёрзшей земли.

Глядя на могилки, я подумал: «Что же, товарищ Лёша Семёнов, сколько близких людей в своих путешествиях по спиралью бытия ты потерял – не с честью. Вот ещё одни люди преждевременно ушли из жизни в результате игры Богов. Хотя, скорее всего, им было положено уйти, и я неслучайно попал в этого реципиента. Не будь его, попал бы в другого человека. И как же мне теперь жить дальше?»

Неделю я не ходил в гимназию, «забив» на занятия, решая бытовые дела. В домашних закромах я нашёл рублей семьдесят, что было вполне симпатичной суммой для скромного проживания в течение нескольких месяцев. Основная трата денег намечалась лишь за квартиру и составляла пятнадцать рублей в месяц.

А после обеда я гулял по Питеру, вдыхая воздух его улиц без выхлопных газов автомобилей, зато с гарью сгоревшего угля от печного отопления домов, заводов и пароходов. Город был совершенно иным, чем я его знал в будущем. Ритм жизни людей, их одежда, быт, манера общения – всё было иным, отличающимся от того, к чему я привык, и напоминало старую кинохронику. Город был другим даже по сравнению с 1940-ми годами советской эпохи.

Проходя по Невскому, я смотрел на афиши кинотеатров, заходил в пончиковые, булочные, пышечные и пирожковые, где с удовольствием кушал эти изделия. Попадая в книжные магазины, брал полистать некоторые книги. Так мне в руки попала тонкая книжечка «Как встретить гостей». С ухмылкой прочитал советы хозяйкам: «Если у вас совсем нечего накрыть на стол, достаньте из погреба головку буженины, нарежьте её тонкими ломтиками и сервируйте стол. Также выкладывайте на стол капусты квашеной, картошечки варёной, хорошо пойдёт солёная селедочка. Не будет лишней на столе красная, а лучше осетровая, чёрная икорка. Она хороша для лёгких бутербродов со сливочным маслом. Обязательно в центре стола поставьте небольшой графинчик водочки, за ним разговор будет приятней. Если среди гостей есть дамы, хороша сладкая наливочка – вишнёвая, яблочная или какая будет».

Почитав рецепты для мешан о том, что если вам совсем нечего поставить на стол, то что можно по-быстрому на него соорудить, я остро почувствовал всю глубину нищеты местных жителей. Правда, как и в любые времена, были тут и реально нищие, перебивающиеся водой и хлебом, для которых буженина и красная икорка были недоступными блюдами.

Раззявив рот, толкался в торговых рядах, прицениваясь или просто глаза на то, чем народ торгует. В какой-то момент я обнаружил, что мой бумажник с рублём мелочью стал чужой собственностью. Деньги небольшие, но стало обидно, что меня так вот «обули» в мой первый самостоятельный выход в город. Вспомнив, когда я последний раз щупал свой кошелек, я отошёл в сторону и, поднявшись на второй этаж Гостиного двора, стал наблюдать за покупателями – сверху-то оно виднее. Так что довольно скоро я выхватил молодых людей, работающих в паре. Один был в толчее постоянно, а второй периодически куда-то отходил. Я понаблюдал за молодым щипачём, который, прижимаясь к клиенту, изящно освобождал того от наличности.

– Неплохо, талантливый мальчик.

Спустившись вниз, я ненавязчиво двинулся за вторым паренёком, который вышел на улицу и подошёл к взрослому нищему мужику, одиноко сидящему под деревом напротив Гостиного, совсем рядом с Апраксиным двором. Тот раскрыл сумку, и парень ловко скинул в неё какой-то предмет. Мужик сидел, я стоял за колонной и смотрел на него. За это время паренёк ещё пару раз приходил к нищему, проделывая ту же манипуляцию.

Потом мужик встал вместе со своей убогой с виду сумкой и пошёл в Апраксин двор. Я последовал за ним на расстоянии, наблюдая, как тот направился в уборную. Зайдя следом, огляделся по сторонам. Увидев, что в большой туалетной комнате мы одни, рубанул того по шее ребром ладони и вырвал сумку из рук, попутно дав хорошего пинка под зад. Пока мужик вставал и кашлял, держась за шею, я выскочил на улицу и был таков. Прискакав домой, проверил сумку, в которой оказалось десятка полтора кошельков с содержимым на сумму порядка 120 рублей. Вернув свой рубль, я заработал 120 рублей прибыли – неплохо для первой недели.

В воскресный выходной мы сидели с ребятами, которые притащились ко мне домой, прихватив с собой кучу домашней еды. Мы лопали её и болтали за жизнь. Оказалось, что меня называли Сэмэн или Сэм, сокращая фамилию. Сам я после четырёх лет начальной учёбы в прогимназии, теперь учился восемь лет в гимназии, и все мы являлись учениками седьмого класса.

– Сэм, что с квартирой будешь делать, съедешь в более дешёвую?

– Не знаю, Серж, пока деньги есть, буду здесь жить, а там что-нибудь придумаю.

– А чего делать будешь?

– Спортom займусь, в смысле зарядкой, бегать буду, а то дохлый какой-то, учиться в гимназии, как и раньше – её закончить надо. Затем поступлю в институт или пойду в армию, но это как получится. А там, может быть, что-то ещё подвернётся. Смутные времена наступают, к ним надо готовиться физически и морально.

На улице стояла весна 1900-го года. Во дворцах чередой шли балы и праздники с карнавалами и фейерверками. В крестьянских избах или рабочих бараках пили, плакали и молились. С одной стороны человечество развивалось, готовились к полётам первые дирижабли, а первые самолёты уже парили в небе, по Петербургу по первой трамвайной линии проехал первый трамвай, да и автомобилям на городских улицах уже не так удивлялись. Всё новые и новые магазины открывали витрины, подсвеченные иллюминацией. Жители городов в кино-театрах заворожённо смотрели немые фильмы. Совсем скоро, в мае 1900 года, Петербургский завод "Новое адмиралтейство" спустит на воду новёхонький крейсер со знаковым названием "Аврора". Мой погибший отец как раз участвовал в его строительстве.

В России полным ходом шёл непрекращающийся процесс оттока сельского населения к более хлебным местам – в города, так что население Петербурга росло, как на дрожжах, и насчитывало более миллиона двухсот тысяч горожан. На заработки в города уезжали взрослые мужчины, которые шли чаще всего в мастерские, женщины находили места в услужении, даже детишек отдавали "в люди".

А вот социальная обстановка в столицах и крупных городах была беспокойной. С середины девятнадцатого века продолжалось состояние вражды между правительством и оппозицией, которая, несмотря на действия царской охранки, ещё сильно тяготела к террору. Полиция, охранка и жандармерии под начальством действительного тайного советника Плеве хорошо проредила ряды «народовольцев» – откровенно террористической организации. Кстати, именно в ней состоял и старший брат Владимира Ленина, Александр. Но к 1900-м годам в стране уже была не только радикальная добровольческая оппозиция – «бомбисты» из «Народной воли», но и либеральная. К правительству она была гораздо более лояльна и её методы работы можно было описать словом «говорильня», а не «террор».

Нужно отметить, что народные массы тоже не слишком хорошо понимали, кто именно «пьёт кровь» простолюдинов. Крестьянство, посадские люди и казачество царя-батюшку любили. А время массовой разъяснительной работы Ленина с товарищами ещё не пришло. А вот пролетариат, которого становилось всё больше, царя – не любил. Промышленность развивалась исключительно быстрыми темпами. На мануфактурах рабочий день продолжался до двенадцати часов. Зарплата была в целом неплохая, особенно на столичных предприятиях, но многие рабочие были нищими – их сильно давили штрафами, не выплачивая за их труд положенного, а остальное съедал быт.

Потом мы обсуждали ситуацию в стране, зарплаты и вообще, как жить дальше, ведь выпуск в большую жизнь был не за горами.

– Надо идти в рабочие – только твёрдая специальность даст возможность хорошо зарабатывать.

– Тогда уж лучше в инженеры, у них зарплаты выше.

– Чтобы стать инженером надо учиться в институте или военном училище, а потом опыта набираться. Тогда и зарплата будет неплохая. Хотя тоже придётся много учиться, чтобы стать хорошим рабочим.

– А может быть в армию вольноопределяющимся завербоваться, там тоже платят и стаж идёт?

Уже написаны работы первых российских социологов, содержащие точные цифры и факты об условиях, в которых оказалась Россия 1900-го года. Ежегодно выходили статистические сборники, исследовались своды отчётов фабричных инспекторов. Поэтому я оторвал свой организм от уютного кресла и подошёл к книжной полке, с которой взял модный статистический справочник. Папаня, что ли, покупал их, желая быть в курсе социальных веяний?

Справочники оказались от авторов Струмилина – самого знаменитого дореволюционного экономического статистика и Прокоповича – социал-демократа, масона, будущего министра продовольствия Временного правительства. В своих трудах они ничего не приукрашивали и не замалчивали.

Открыв интересующие страницы, начал читать. Оказалось, что согласно этим справочникам средняя зарплата в Российской Империи у работников фабрик и заводов и служащих младших чинов с 1880 по 1900, считай по 1913, годы увеличилась с 16 до 24 рублей в месяц. Однако после уплаты невероятных штрафов чаще всего на руки и половину этой суммы рабочий не получал. А нужно было снимать квартиру для семьи, питаться и одеваться.

А как дела обстояли в других странах? В Италии средняя зарплата на производстве и у государственных служащих низких чинов увеличилась с 19 до 32 рублей в месяц, в Австро-Венгрии – с 28 до 44 рублей, во Франции – 30 до 41 рубля, Германии – с 42 до 57 рублей, в Англии – с 47 до 61 рубля, в США – с 63 до 112 рублей.

В 1897 году по специальному указу для пролетариата, занятого в индустрии, был установлен рабочий день в 11,5 часов в сутки. Нужно отметить, что другие развитые капиталистические государства собственных рабочих тоже свободным временем не баловали. Европа

заставляла трудиться рабочую смену по одиннадцать, США – по десять часов, а вот в Австралии рабочий день был всего лишь восемь часов. Народ, прослушав информацию выдал.

– Да, везёт австралийцам...

Я же глубокомысленно заметил: «Парни, надо учиться. Может быть, тогда чего-то и достигнем».

Со мной согласились.

– Да уж, работать на заводе – дело гиблое. Надо что-то придумать своё, перспективное.

– Так что ты сейчас будешь делать, Сэм?

– Сейчас учиться, впитывая знания, а после окончания гимназии, скорей всего, поступлю в военное училище или в экономическое.

– Почему в военное?

– Тянет меня к армии, а скоро начнутся войны, там можно неплохо заработать.

– Но и погибнуть можно.

– Погибнуть там проще простого. А ещё буду тренироваться, чтобы быть более подготовленным к новым временам.

– Учиться тоже не так-то просто в наше время.

Естественно, что после таких «умняков» мы стали говорить за учёбу и государственное образование. Я снова поднялся с кресла и взял справочник уже маминой, преподавательской епархии. Прочитал информацию, оказавшуюся интересной и мне самому. К 1900 году на 1000 человек от общего числа населения, учащихся приходилось: в России 59 человек, в Австрии – 143, в Великобритании – 152, в Германии – 175, в США – 213, во Франции – 148, в Японии – 146 человек. Если в Англии, Франции, Германии расходы на ученика составляли примерно 200-280 рублей, то в России эта сумма не превышает 21 копейку в год. Получалось, что техническое оснащение классов учебными пособиями и учебниками было очень даже низко, а проще говоря, его практически не было. Да и закон о всеобщем обучении был принят в Пруссии в 1763, в Австрии в 1774, в США к 1900, в Японии в 1872, в Великобритании в 1880, во Франции в 1882, а в России его не было. Насколько я знал, в стране его примут только к 1912 году. Так что я оказался, действительно, в малограмотной стране. Цари заботились о «дремучести народа», чтобы люди меньше думали и меньше понимали, даже в ущерб техническому прогрессу и процветанию страны, считай, своему процветанию.

«Может, станем революционерами? У нас даже кружок в школе есть», – спросил Саня Извилин.

– Понимаешь, Саня, руководить кружком ты не сможешь – не дадут, а бегать на побегушках у всяких революционных лидеров лично у меня желания нет. Я против всяких революционных идей, потому что я реакционер и консерватор. Конечно, в будущем придётся определяться с кем мы. Если и дальше дружить будем, то когда придёт время, я подскажу, к какой партии надо будет примкнуть.

Выходной подходил к своему окончанию, ребята разошлись по домам, а я завалился спать, чтобы проснуться вовремя и ничего не перепутать. На следующий день, позавтракав, напялил на себя гимназическую униформу, взял портфель с учебниками согласно вывешенному в моей спальне расписанию, а также тетрадки, чернильницу-непроливайку и простенькую деревянную перьевую ручку, и пошёл в школу на свой первый урок образца 1900 года.

По пути, проходя по набережной реки Мойки, услышал в свой адрес обидные крики.

– Гимнази-и-ист, чего тут ходишь, давно по морде не получал?!

Я повернулся и увидел, как через кованый забор несколько пацанов тыкают в меня пальцем и смеются. Насколько я знал, в будущем здесь будет размещаться какой-то институт, а сейчас, согласно вывески на воротах, это был детдом на Мойке, 48, который назывался «Петербургский Воспитательный дом». Как я узнал позже, в нём воспитывались дети-сироты бедняков, солдат и просто людей «без роду и племени». Кстати, здесь ребята получали среднее

образование и даже могли поступить в Педагогический институт за казённый счёт. У ребят итак была не сладкая жизнь, так что я посчитал, что нет смысла с ними препираться – обзываются и хрен с ними. Оглянувшись, я помахал им рукой и пошёл дальше.

– Чего гимназист, страшно! Смотри, братва, как он на нас зыркает! Катись колбаской по Малой Спасской, пока харю не начистили.

Меня разобрал смех, когда я услышал эту киношную рифму. Зато несколько прохожих, в числе которых оказалось несколько симпатичных девчат и «принцесса», сразу привлёкшая моё внимание своей «небесной красотой», приостановились и с интересом наблюдали за перепалкой. Я понял, что надо что-то ответить, после чего брякнул первое, что пришло на ум.

– А «в точило»!

– Ничё себе, а он борзый. А ну, попробуй, дай, гимназист-баянист!

Я поставил портфель на тротуар, подскочил к забору и залепил вначале одному, затем второму и тут же третьему остряку по физиономиям. Я не был сильнее их, все мы были обычными, в меру развитыми пареньками 15-17 лет. Единственное, но главное отличие заключалось в том, что я не просто махал кулаками – я умел драться.

Парни полезли через забор, чтобы продолжить разборку, я же стоял и разминал кисти – они мне сейчас пригодятся. Моих противников было шесть человек. Я же с улыбкой произнёс: «Ничего, помахаемся, надо активно вживаться в новую среду!»

Я подождал, когда первые «боевики» приземлятся на тротуар, сразу напав на них с кулаками, и понеслось «месилово». Чтобы несколько уравнять шансы, пришлось применять приёмы из арсенала Кадочникова, то есть валять парней по земле, используя инерцию их движения.

Заголосили идущие мимо тётки, мужики из зрителей подбадривали участников потасовки, затем раздался свисток городского. Детдомовцы кинулись врассыпную, а я поднял портфель со следами ребячьих ботинок, пригладил волосы руками и гордо встретил блюстителя порядка. Правда, мне тоже досталось, так что распухла и кровила губа, да в пылу борьбы кто-то больно залепил кулаком в ухо, отчего оно увеличилось в размерах.

– Гимназист!

– Так точно.

– Молодец, хорошо дерёшься.

– Слабоват, а то бы быстрее с ними справился.

– Порядок нельзя нарушать, но интересные приёмы использовал. Я такого сроду не видал, как лихо ты парней разбрасывал. Претензии к детдомовцам имеешь, заявление писать будешь?

– Никак нет, господин городской, все путём.

– Хорошо, а где ты учишься?

«В гимназии номер...» – и тут я понял, что забыл её номер и адрес. Визуально я знал, где она находится, но её реквизиты в моем подсознании находиться никак не хотели.

«Господин городской, это наш ученик, Лёша Семёнов. У него родители погибли неделю назад при взрыве у Гостиного. Я думаю, что пока мальчик немного не в себе», – к нам подошёл мужчина лет сорока с бородкой клинышком и усиками, типичный Антон Павлович Чехов.

– Понятно, а вы кто?

– Простите, разрешите представиться, Горняков Виктор Петрович, учитель физики гимназии номер 10, что на Мойке чуть далее располагается.

– Забирайте своего архаровца. Молодец парень, расскажу в участке, как один шестерых уделал.

Поняв, что инцидент исчерпан, я начал поглядывать по сторонам, чтобы познакомиться с понравившейся мне девушкой, но оказалось, что эта фея с подружками уже упорхнула. По этой причине пришлось идти в гимназию вместе с преподавателем, по пути болтая о жизни.

– Как себя чувствуешь? Я о твоём настрое спрашиваю, а дрался ты, правда, здорово! Где так учат?

– Это по наитию пришло, а чувствую «так себе». Сами понимаете, как изменилась моя жизнь после тех событий.

– Да, Лёш, всё изменилось у тебя. Ты приходи ко мне в гости или, если чем помочь надо – сразу обращайся. Просто так заходи, хотя бы покушать домашнего. У меня жена, Нелли Анатольевна, большая мастерица по всяким кулинарным делам, твой рот лишним не будет.

Я посмотрел на этого интеллигентного мужчину, который немного смущаясь, по сути, предлагал мне столоваться у него, ответив: «Спасибо, Виктор Петрович, пока справляюсь, а если припечёт, знаю куда обратиться».

Придя в школу, мы разошлись по своим урокам. В классе я встретился со своей «бандой» товарищей, которые радостно приветствовали меня. Остальной народ подходил, выражал своё сочувствие, но это были обычные дежурные фразы знакомых. Пока сам не столкнёшься, чужого горя не понимаешь.

А затем начались уроки. Меня насмешила переключка, ведь, по сути, я по-новому узнавал своих одноклассников. Учитель математики делал переключку присутствующих учеников.

– Баклушин, Баранов, Беляш, Володарин, Докторов, Дураков, Извилин, Козлов, Кораблёв, Красномордин, Лежибоков, Ленивцев, Ляпкин, Медунов, Семёнов, Спесивцев, Табуреткин, Тараканов, Таганов, Тяпкин, Халтурин, Халявин, Хотейкин, Чернозадов...

С каждой произнесённой фамилией я хихикал все громче и громче.

– Семёнов, поделись с нами, что тебя так рассмешило?

– Насмешило сборище лентяев в нашем классе. Кто это в кадрах школы такой шутник, что распределяет учеников по фамилиям? Господи, слава тебе, что я родился Семёновым, а не каким-нибудь Ногузадерищенко.

– Семёнов, не умничай, а то пойдёшь отвечать, невзирая на твои семейные проблемы.

Отвечал первым Дураков, который, несмотря на такую «зачётную» фамилию, очень прилично донёс до нас доказательство математической теоремы. Так что в будущем я убедился, что фамилия учеников нашего класса ни о чем не говорила, просто некоторым не повезло.

Но, нужно отметить, что мои познания о школе царской России, основанные на знаниях 20-го века были, мягко говоря, не соответствующими действительности. Наиболее престижным учебным заведением считалась именно классическая гимназия, где учились, как правило, дети из наиболее преуспевающих семей – дворяне, состоятельная буржуазия, успешные разночинцы из городской интеллигенции. Люди попроще ходили в земские школы или реальные училища. Напрямую поступить в университет, как правило, можно было только из гимназии.

Властями ставился вопрос о повышении учебной платы для того, чтобы сделать гимназии менее доступными для выходцев из бедной среды, которых родители пытались вывести в люди. В 1887 правительство даже приняло «циркуляр о кухаркиных детях», рекомендовавший не принимать в гимназии детей из бедных семей. Власти опасались, что бедные, но образованные люди приведут страну к революции. Их опасения подтвердились, хотя революцию организовывали отнюдь не бедняки.

Преподаватели меня не трогали и не спрашивали, зная, что у меня приключилось. Однако, когда класс молчал, я сам частенько тянул руку, отвечая на задаваемые вопросы. Учитывая мой богатый жизненный опыт и не голову, а большую Советскую энциклопедию вместо неё, учиться мне было достаточно легко. Были в гимназии и дубовые преподаватели, и разумные, поэтому в будущем с одними я ладил, а с другими воевал.

На почве физики мы сошлись с Горняковым. На уроках вместе с ним, а зачастую, и присоединившимися одноклассниками, мы ставили практические опыты, подтверждающие изучаемые законы. Иногда, ведя урок, он специально задавал мне вопросы, которые сейчас ещё не были изучены, например, по радиосвязи, которая делала свои первые шаги. Приоритет в её

исследовании в разных странах приписывался своим соотечественникам. Так вопрос первооткрывателя радио оспаривали наш Попов и итало-англичанин Маркони, немец Герц и француз Бранли, серб Никола Тесла и белорус Наркевич-Йодка.

Опыты с электричеством и электромагнетизмом, ЭДС, наводимых в катушке индуктивности, притяжением разных предметов к намагниченной катушке или эбонитовой палочке, которые мы показывали на уроках, пытаясь заинтересовать класс, приносили свои плоды. Несколько человек стали участниками образованного школьного физического кружка, в который кроме меня, входили оба Димки – Таганов и Кораблёв, Вова Хотейкин и сын Горнякова, шестиклассник Виталий. Так что, вслед за мной брать и изучать библиотечные книги, а также покупать для кружка технические журналы и необходимые материалы, стали все его участники, скидываясь деньгами, кто сколько мог.

По другим предметам, если меня вызывали, то я, в дополнение к заданному, рассказывал разные интересные случаи, связанные с предметом. Иногда мне хотелось донести до ребят новые знания в шуточной форме. По математике я был обычным отличником в рамках программы. Ничего гениального в этой области я не открыл. К этому времени математическая школа была очень развита, а рядом с Эйлером, Гауссом, Чебышевым, Лобачевским и другими я соперничать не мог – не знал я математику на таком уровне. А то, что давным-давно проходили в институте, честно забыл, когда сдал экзамены.

В тоже время старался не выделяться специфическими знаниями, ограничиваясь школьной программой. Хотя мог неплохо проявить себя в химии, особенно, когда дело касалось взрывчатых веществ, благо в аптеках сейчас многие ингредиенты можно было свободно купить; естествознании в части точек на теле для убиения своего ближнего или проведения «эротического массажа»; знании нескольких иностранных языков.

Отличился я и на уроке современной истории. Мы спорили с преподавом о политической ситуации в стране и возможных последствий царской политики. В итоге учителем, а это был директор гимназии, мне было поручено сделать доклад о социально-политической обстановке в Российской империи. Я его и сделал. Описал основные действующие политические партии, суть методов их работы, принципиальные различия идеологии. Затем коснулся раскола на втором съезде РСДРП ведущей партии страны на меньшевиков во главе с Мартовым и большевиков во главе с Ульяновым-Лениным. Осветил пагубное влияние зарубежных стран на внешнюю и внутреннюю политику нашего государства, а соответственно, на экономику страны, и созревание революционной ситуации.

Писал я доклад неделю и замутил так, что сам себе поразился – какой я умный. Правда, закончил доклад словами «Но под чутким руководством нашего императора, величайшего Николая второго, мы победим всех врагов и т.д. и т.п. Слава императору и Отечеству!».

Конечно, при подготовке доклада никаких газет я не читал, и ничего ни у кого не спрашивал, а основывался на знании предмета, которые получил в прошлые годы, в первую очередь, будучи лидером СССР и имея доступ к архивам. Учитель истории, когда я закончил доклад, просто ох-х-хренел от такого полёта моей фантазии. В учительской разговаривали преподаватели.

– Надо же, как Семёнов изменился. Раньше был обычным хорошистом, а сейчас стал отличником по многим предметам.

– Да, господин директор, я поражаюсь знаниям этого 17-летнего паренька. По физике он вообще гений для своего возраста.

– И анатомию человека он, как бы не лучше многих современных эскулапов знает.

– Коллеги, вы почитайте его доклад о политической обстановке в стране. За него Семёнова или посадят, или ...

Народ почитал и согласился.

– Поразительно! Это обязательно надо показать, кому следует.

– Да, господа учителя, всё это очень непонятно. Скажите-ка мне, как он вообще себя ведёт в политическом плане, в школьный кружок, как там его название – «Народное дело», ходит, участие в демонстрациях принимает?

– Нет, не замечен, сторонится всего этого, занимается спортом и учится.

– Где?

– С Виктором Петровичем науку двигают.

– Да, Виктор Петрович? Как же так, голубчик, у нас юный физик в гимназии растёт, а вы молчите!

Взял слово Горняков.

– Пока ещё рано о чем-либо говорить, но мы работаем. Господин директор, как раз хотел поговорить с вами о создании в нашей гимназии физического кружка. У нас есть несколько ребят, которые во главе с новым Семёновым стали интересоваться физикой. Сейчас мы даже скидываемся деньгами, приобретаем литературу, инструмент и расходные материалы. Хотелось бы, чтобы на это дело выделялось небольшое финансирование.

– Кстати, а на какие средства он живёт? Господин Горняков, вы, как его наставник, не знаете об этом?

– Я посоветовал ему заняться репетиторством, можно и переводами попробовать зарабатывать, он свободно переводит технические статьи с английского и немецкого языков.

– Что скажет наш преподаватель иностранных языков?

– Он хорошо владеет немецким и английским языками, господин директор. Думаю, что он вполне способен переводить не только газетные статьи, но и художественную литературу.

– Это очень непонятно, откуда у него такие знания? Действительно, новый Семёнов. Надо доложить нашим кураторам из департамента.

На следующее утро ко мне подошёл Горняков.

– Лёша, твой доклад произвёл фурор в учительской. Директор собирается передать его в департамент полиции.

– Спасибо, что предупредили. Доумничался, что называется.

– Всё будет хорошо, но доклад силён. Я в газетах такой аналитики не встречал, а там такие зубры пера пишут.

Про себя я подумал: «Я тоже мастер пера. Столько бумаги измарал за свои жизни. Но с полицией дела иметь не хочется, а ведь обязательно заинтересуются. Значит, надо и дальше вести домашний образ жизни, далёкий от политики».

Но никто мной не заинтересовался, по крайней мере, на юного теоретика революции наручники никто не надел. А ведь я в своём докладе и про всероссийскую стачку 1902 года, и про проигранную, с обоснованием причин поражения, Русско-Японскую войну 1905 года, и про неудавшуюся революцию 1905-1907 годов писал, в контексте того, что доиграется правительство до таких событий своими мягкотелыми, либо провокационно-жестокими поступками.

Но школа школой, а я жил жизнью обычного гимназиста, ничего не ускорял, а просто учился, чтобы хорошо сдать итоговые экзамены и уйти на каникулы. Никаких подвигов не совершал, просто ежедневно занимался спортом: турник, отжимания, качание пресса, пробежки по несколько километров. Глядя на меня, к спортивным экзерсисам присоединились мои товарищи. Так что на школьном дворе, куда мы после занятий в школе, домашнего обеда и самоподготовки, добежали часам к 17, парни качали мускулатуру.

После того, что я не стал жаловаться на детдомовцев, да ещё и отлупил шестерых парней, а сила всегда вызывает уважение или страх, меня эти малолетние хулиганы стали узнавать и проявлять уважение. Теперь, когда я по известному маршруту пробегал вначале один, а позже – с товарищами, пацаны из детдома не обзывались, а приветствовали меня. Я останавливался, жал парням руку, и бежал дальше на тренировку, а на обратном пути мог притормозить и

поболтать с детдомовцами за жизнь, перекинувшись свежими новостями. В общем, группа гимназистов и несколько детдомовцев стали дружить.

Но все-таки, я стал подумывать о постоянном заработке. Как-то идя по набережной Фонтанки, увидел у входа в небольшую контору вывеску о найме работников. Почитал рекламу, поняв, что организации требуются сообразительные и коммуникабельные молодые люди со свободным графиком. Естественно, что я зашёл в контору. Молодая девушка-секретарь отправила меня к управляющему.

В кабинете сидел мужчина лет 30, напыщенный от осознания собственной важности, словно он министр торговли, при этом всё время поглаживающий толстое золотое обручальное кольцо. Наверное, недавно он очень удачно женился. Я вошёл и поздоровался. Он вставил в глаз монокль и осмотрел меня, словно фельдмаршал Манштейн карту СССР, после чего поинтересовался.

– Вы по какому вопросу, молодой человек-с?

– По вопросу вашего объявления о найме работников.

– Вы гимназист?

– Да.

– Понимаете, у нас очень ответственная работа. Мы, молодой человек-с, не какая-то Филькина контора, мы очень серьёзное учреждение. Мне, как руководителю, требуются люди, ответственные за свои слова и поступки, умеющие работать в команде. Вот вы умеете работать в команде?

– Наверное, умею.

– Приведите пример!?

Я понял, что это какая-то левая контора, возглавляемая таким придурком, поэтому уже собирался откланяться, когда вспомнил народную шутку из будущего.

– Да, конечно, я работал в команде. Что могу привести в пример? Мой друг встретил женщину, они собрались встретиться, но оказалось, что женщина замужем.

– Так-так, это пикантно, и что же вы сделали, какова ваша роль?

– Я помог другу тем, что сажу и отвлекаю её мужа собеседованием, пока он встречается с дамой.

– Что же, необычно, но весьма забавно. Надо будет рассказать друзьям о такой командной работе.

– Расскажите, посмеётесь вместе. А чем я буду заниматься, если подойду вам?

– У нас большой испытательный срок, мы должны хорошо проявить себя, дело очень ответственное. Вы, молодой человек-с, будете разносить заказы канцелярии по адресам. Важно ничего не перепутать, ведь мы очень серьёзная фирма с образцовой репутацией!

– Спасибо, это очень ответственное дело. Боюсь, что у меня не хватит квалификации. И, чтобы не испортить имидж вашей компании, я беру самоотвод. До свидания!

В субботу на вечернем чае с приглашёнными друзьями управляющий рассказал забавную историю о командной работе. Громко смеялся только он один, супруга и один из гостей смущённо улыбались, остальные друзья тихо хихикали. А я продолжил просматривать газетные объявления о работе. Несмотря на то, что мне удалось подзаработать немного денег, используя свои навыки прошлого, иные методы заработка, кроме честных, я не рассматривал.

Глава 2. Школьные забавы

Несмотря на то, что я жил в «просвещённой столице», порядки в гимназии меня озадачили. Так что поначалу, пока обвыкал, пришлось соответствовать правилам. Кроме основных предметов, большое внимание уделялось изучению благородных древних языков – латыни и греческого. Греческий сделали предметом по выбору, а вот латынь – этот мёртвый язык, приходилось учить всем. Латынь гимназисты дружно ненавидели, а к закону Божьему относились с большим скепсисом. Если в первой половине 19-го века было много богомольных гимназистов, то со второй половины доблестью стало уйти под каким-то предлогом с церковной службы или нарушить пост.

Откровением стало для меня и знакомое всем слово «субботник». В русских школах до революции существовала традиция телесного воспитания. Всю неделю наставники делали для себя в журнале пометки об успеваемости и поведении учеников, а в субботу подводили итог и «выдавали» своим подопечным определённые порции розог. Впрочем, в Уставе 1864 года розги официально запретили и заменили карцером. Так что «субботниками» все ученики в царской России называли наказание, которое неизбежно настигало их в конце учебной недели – в субботу. Строгие гимназические правила не помогли вырастить из детей верных слуг императора – множество гимназистов и студентов поддержат революции начала 20-го века. Но в целом, моё первое впечатление от гимназии было весёлым.

Наш класс был более менее спокойный, а в соседнем собрались сплошные «оторвы» и хулиганы. Вообще, озорничали все – и мы, и они, и старшекласники, и мелочь пузатая. В классах были заводицы, у которых в одном месте периодически кололо шило и начиналась бунтарская движуха. Следуя давним русским традициям, в гимназии также была традиция – драка стенку на стенку, так что мордобой класс на класс было классическим дерби любой гимназии. Обычно перед праздником, чтобы за его время отлежаться дома, заводицы одного класса устраивали перепалки с гимназистами соседнего, затем начиналось хватание "за грудки", потом в толпу бросался клич "наших бьют" и всё заканчивалось "мамаевым побоищем» на улице за школой.

– Леха, ты с нами? Сегодня с " Вэшниками" махач.

– А завтра?

– Завтра отдых, потом "Ашникам" надо настучать.

– И не жалко вам своих зубов и носов?

– Не очкуй, Леха, пошли.

И я шёл махаться с соседним классом, стуча "в репу" одним и получая в свою от «Вэшников», «Ашников» и даже восьмиклассников. Правда, такое положение дел, когда мне бьют морду какие-то гимназисты, я собирался менять, став ежедневно заниматься своей физической формой.

Преподаватели, зачастую, сами смотрели в окна, как дерутся школьники. Все они вспоминали свои гимназические годы – всё повторялось вновь. В какой-то момент драки один из преподавателей выходил и разгонял потасовку, а гимназисты шли домой подранные, с «фонарями» под глазами и разбитыми лицами, но довольные великой победой, ведь каждый класс считал победителями в драке именно себя.

Зато в субботу после уроков зачинщики отправлялись остыть часика два в школьном карцере. Там противники братались, совместно вспоминая моменты схватки.

– Как я ему по морде ногой заехал, он завалился и пролежал всю драку.

– Круто, а я Ваське Дуракову по зубам упаял, они аж клацнули! Думал, выпадут.

– Сэмэн хорошо в глаз от меня получил, когда его Бузун держал.

– Зато Бузунову Сэм кулаками всю сопатку раскровянил.

– Да, Сэм бьёт больно. Мне под дых и в ухо как даст, я так и "ушёл".

– Ничего, скоро Пасха, на праздник ещё сразимся.

Непокорный дух учеников школ, гимназий, ремесленных училищ, институтов не могли сломить никакие карцеры.

Доставалось и тем преподавателям, которые пытались подавить ученика, были грубы и высокомерны с нами. А были и такие, кто вроде и казались занудами, ставили двойки, направляли в карцер, но, в общем-то, являлись безобидными. А ученики – люди в душе злые, интуитивно чувствуют, кого нужно бояться, а кого можно «прессануть», что и делали.

На улице пасмурно, в классе лёгкий загадочный полумрак. Класс встаёт, приветствуя преподавателя латыни, мёртвого языка медиков и католиков. Препод Мамин Евлампий Ефграфович – дали же родители имечко, занудный педант, ибо ни один нормальный человек не сможет преподавать с усердием латынь. Он очень хочет казаться суровым человеком, которого бояться, отчего постоянно угрожает ученикам всевозможными карами. В душе же это спокойный и безобидный человек с какой-то внутренней трагедией, которую прячет за этими «понтами».

Язык я не знаю, поэтому учу, отчего на положительном счету у Мамина. От латыни меня клонит в сон, я периодически выпадаю из реальности под монотонное бубнение преподавателя и ещё более нудное, потому что заикающееся от усердия, бубнение отвечающих домашнее задание учеников.

– Семёнов!

– Я!

– Не спать, фразу «*in dormis erit somnus per vitam*» кто переведёт? Поставлю пять. Семёнов, что означает сие?

– Да мне в душе не тархтело, что оно означает.

– Семёнов, извольте отвечать, иначе я поставлю вам кол, и субботу вы проведёте в карцере.

– Спящий проспит жизнь. Вы мне угрожаете, господин учитель, а это запрещено правилами учебных заведений. *Dura lex, sed lex* – суров закон, но закон.

– *Summum ius – summa iniuria* – высшее право – высшая несправедливость. А на уроке я высшая инстанция и право моё высшее. Ясно тебе, Семёнов? Так что будешь делать то, что я скажу. А виноват ты, и у меня есть свидетель – целый класс.

– *Testis unus – testis nullus*, что означает один свидетель – не свидетель, господин учитель, а класс это существительное в единственном лице.

– Вижу, что язык ты учишь, ставлю тебе пять.

– Пытаюсь, господин учитель.

Препод переключается на других, садясь на стул. Класс замирает.

– Лежибоков, бок не отлежал ещё?

– Никак нет, господин учитель.

– Тогда с Ленивцевым – вот же два сапога пара, переведите заданный рассказ в лицах.

Два гиганта мысли начинают мучить слух учеников и учителя своими перлами. Учитель не выдерживает, встаёт, а вместе с ним «встаёт» приклеившийся к попе стул. От такой неожиданности учитель спотыкается и с грохотом шлёпается назад на стул, отчего ножка стула ломается и оба громко падают на пол.

– Какой идиот налил клей на стул?! Я вас, тупицы, спрашиваю!

Класс ржёт, смеюсь и я, прикрыв лицо рукой, опёртой о парту, хотя понимаю глупость ребят. Зачем злить учителя, который хоть и зануда, но в целом со своими обязанностями справляется. Для меня тоже клей становится сюрпризом.

– Вон из класса, дегенераты. Семёнов, задержись.

Я убираю с лица улыбку и подхожу к учителю. Учитель зол, но видна растерянность и обида.

– Алексей, я понимаю, что в классе есть полные идиоты, но ведь ты совсем другим стал, ответственным. За что вы так, ведь брюки денег стоят, а я их недавно в ателье справил, новые совсем. Что ж мне их теперь, выкидывать, кто ж их отстирает от клея!?

– Евлампий Ефграфович, честное слово не знал об этой подлянке, иначе не допустил бы порчу личного имущества. Ничего, жена поможет – они все знают.

– Нет у меня жены-с! Померла от инфлюэнци, а сам я очень далёк от этого. Я весь в латыни, изучаю, так сказать, истоки.

– Простите ребят, Евлампий Ефграфович, мы сами отстираем, то есть клей растворим, а брюки отстираем.

– Да, а чем его растворить-то? Я и не подумал, что так можно, не умею-с я. А цвет брюк не уйдёт? А то представьте, как на срамном месте цвет другой будет, как же я тогда ходить-то буду?

– Сделаем, Ефграфович.

Я вышел в коридор. Там стоял класс и обсуждал происшествие.

– Сэм, чего тебя Лампа тормознул-то? Спрашивал, кто клей налил?

– Мужики, тут такое дело. Лампа, оказывается, один живёт, жену схоронил в прошлом году. Одинокий он, из-за этого весь в науку ушёл и нам мозги компостирует. А тут новые брюки пошил, а мы их засрали.

Почесав голову, Серж пробормотал: «Да, пацаны, нехорошо с брюками получилось. Кто клей налил, а?»

«Я и я, – отозвались Спесивцев и Баклушин, – чего теперь делать, Серж?»

– Попробуем растворителями от клея очистить, затем постирать отдадим. Чем хоть стул помазали?

– Эпоксидкой...

– Ё-мае, попробуем ацетоном, но если испортим штаны, то будем скидываться деньгами. Брюки мы все же испортили, растворив ацетоном эпоксидку и краску материи, так что пришлось скидываться деньгами всему классу и шить новые брюки по меркам старых.

Мужик аж слезу пустил, когда мы вручили с извинениями ему старые и новые брюки.

– Извините нас, Евлампий Ефграфович, глупо получилось.

– Пустяки, накопил бы на новые. А с каждой зарплаты я немного денег в призрачный приют на детей жертвую, и сейчас обязательно отдам.

Больше наш класс над Лампой не шутил и на латыни вёл себя прилично.

Ещё одним нелюбимым предметом был у нас закон Божий. Духовник, отец Фома, был мужик вроде ничего, когда с ним общались вне урока, но в целом, очень нудный по жизни и тяжёлый в рабочем общении. Он жил на своей волне догматов и принятого им распорядка жизни, совершенно не интересуясь веяниями времени и интересами собеседника. Его принцип общения можно было охарактеризовать как «должно быть так, и не иначе, а если иначе, то именно так, как должно по закону Божьему, а шаг влево или вправо – сие не по канонам, значит, неверно и не должно». А ещё он был противник любого прогресса, то есть пользоваться благами цивилизации не брезговал, а вот созидать что-либо новое по его убеждению было грешно и супротив законов Божьих. При всем этом он любил кагор, частенько прикладываясь к нему во время уроков.

– Отчего, отец Фома, грешно-то?

– Все должно делаться только Божьим промыслом.

– Так чего вы одежду носите, которую люди на станках сделали? Ходили бы себе в листьях, аки африканские эфиёпы.

– Чур меня, нашли с кем сравнить. А одежда есть Божий промысел.

– Так вы против производства станков, электричества, двигателей!

– Против всей этой ереси, но во всем, что благо для людей, есть рука Господня.

– Так чтобы благо было, учиться надо и новое исследовать. А вы ведёте себя, словно упрямый осел. Вы хуже осла, отец Фома, вы тормоз прогресса!

– Это я то хуже осла, паршивец ты этакий! И не спорь со мной, отрок! Мал зело ещё, чтобы рассуждать о смысле бытия. Сел на своё место и стих.

– Какой вам стих прочитать, отец Фома?

– Молча сиди, сел и стих! Отчего нынешние отроки такие безмозглые пошли!

– Грешно так выражаться! Все мы созданы по образу его и подобию.

– Это люди созданы, а вы, балбесы, яко ошибки его.

– Тьфу на вас, батюшка, так о человеке судить.

– Не спорь со мной, отрок, пока епитимию не наложил.

– Епитимию, отец Фома. А епитимию вы куда положить собрались, в штаны или ещё места знаете?

– Цыц, грешные! Ошибся я. Ваши дурацкие разговоры совсем разум мой затуманили. Живо все по местам, открыли Псалтырь, читать будем. А я нервы подлечу, изнервничался я уже совсем. Медунов, читай десятый псалом, да с чувством.

– Стараюсь, отец Фома!

– Стараться на горшке будешь, а здесь с усердием надо. Читай уже, услади слух мой словами елейными. Лишь бы отлынить от дел благочестивых, мракобесы.

Серж начинал читать с усердием, отец Фома, сделав глоток, замирал в блаженстве, не забывая поправлять читающего.

– Твое – мое! Читать разучился, что ли? Давай, начни по-новому, да усерднее читай.

Тут я снова пристаю к батюшке, спасая Сержа.

– Отче, вы аки светоч в тёмном царстве нашего класса. Про вас даже неизвестный поэт Макаревич стихи сложил «Я так хочу, чтобы жил, тот кто бросит лучик света в этот брошенный, брошенный, брошенный Богом мир».

– Ну, так уж и брошенный мир. Хорошие стихи, прямо про меня.

– Он как узнал о вас, так сразу и сочинил их.

– Одобряю, с него пример берите.

– А скажите, отец Фома, есть в мире китайцы желтолицые с узкими глазами, краснокожие индейцы, арабы и индусы, шоколадные эфиёпы и совсем черные негры. Так каков Бог в истинном виде – белый, чёрный или жёлтый?

Отец Фома не по-детски задумался.

– Белый отец наш, как мы.

– Так в Писании сказано, что он нас по своему образу создал. А ведь христиане есть и среди этих народов. Как же быть: китаец видит Бога китайцем, негр – негром, а белый – белым. Так каков же он?

– Что ты пристал ко мне, Семёнов, как блоха к собаке. Сие божественное таинство, человеческому разуму не подвластное.

– И всё же.

– Пшёл вон с глаз моих!

Несмотря на вредность, отец Фома был человеком отходчивым, поэтому, прочухав эту особенность, периодически подначивал его. Встретив проповедника у входа в класс, мог озадачить его словами в стиле великого комбинатора: «Отец Фома, почём сегодня опиум для народа?»

– Изыди, богохульник. Розог на тебя нет, поэтому отсидишь в карцере два часа.

– Пряма-таки разбежался, отец родной. К тому же я попрошу директора об одном богоугодном деле, в котором вы обязаны мне помочь.

Проповедник насторожился: «И какое у тебя может быть богоугодное дело, безбожник?»

– Батюшка, я человек заблудший, попрошу господина директора, чтобы он упробил вас оказать мне помощь. Вы ведь не бросите в неведении человека и просветите его своей мудростью?

– Чего затеял, пакостник?

– Попрошу, дабы в карцере именно вы читали мне псалтырь и другие божественные книги, просвещая меня своей полной мудрости и благочестия речью.

– Экий хитрец, сам посидишь – проветришься.

– Батюшка, сам проветриться я имею возможность, но не имею желания, так что сидеть будем оба. Я сидеть, а вы меня просветлять.

– Вот же родился на мою голову, шиш тебе с перцем.

– Благодарствую, батюшка, на добром слове.

– Совсем из-за тебя нервы расшалились, где моя микстура?

– Вот батюшка, примите от меня лично сию бутылку кагора.

– Ох, искусьитель! Умеешь вести речи благочестивые, а все притворяешься неучем. Сядь на место, отрок, и внимай мудрости веков.

– Слушаюсь и повинуюсь, ваше преосвященство.

– Цыц, нет у меня такого чина.

– Горе-то какое, а я так и видел вас на месте владыки.

– Не смог я пролезть вверх, выжили меня козни греховодников.

– Ничего, отец Фома, на вашем месте тоже есть большие плюсы. Учить отроков – есть высшее призвание человека и наставника, только желательно поменьше говорить, не поддаваться греху словоблудия, ведь краткость – сестра таланта.

– Умно как сказал «краткость – сестра таланта».

– Это Чехов сказал.

– Из митрополитов кто? Умный человек, просто так в митрополиты не попадешь.

– Писатель это, отец Фома.

– Ну-у-у, те тоже не дураки.

Потом он пускался в рассуждения о греховных помыслах исследователей, а затем мы снова бубнили молитвы. Молитва есть смысловой текст, слова которого подобраны таким образом, чтобы воздействовать на клетки тела с определённой звуковой частотой, которая стимулирует жизнедеятельность клеток. И самое важное – отчаявшийся человек от души просит о помощи, настраивая свои мысли на положительное решение проблемы, потому что ему помогут высшие силы. Так что я за молитвы, но сидеть и учить их на уроках оказалось делом для меня очень тяжёлым. А как их требовал знать отец Фома, меня просто выводило из себя.

На каждом уроке были споры о грехе науки, отчего молодые, с горящим взглядом первооткрывателей ребята, ругались.

– Достал нас этот богослов. Противник всего прогрессивного – душитель знаний!

В итоге я тоже не выдерживал и вместе с одноклассниками били его упрямство наукой. Сделав небольшой трансформатор Теслы, прицепил к выходным клеммам провода и скрытно подвёл один конец провода к тряпке, которой протирали доску, предварительно хорошо намочив её. Второй провод расположил таким образом, что как бы тряпку человек не взял, обязательно должен замкнуть ею оба провода, и все стали ждать.

– Что парни, давайте докажем ему, что наука – это сила.

А чтобы отец Фома точно взялся за тряпку, я написал на доске слова из народной песни:

У попа была собака – он её любил,

Она съела кусок мяса – он её убил,

На пригорке закопал, надпись написал!

Что! У попа была собака – он её любил...

Отец Фома, разгорячённый винцом, с ходу разразился тирадой о благодати его предмета. В ответ раздалась реплика.

– Батюшка, Иисус Христос учил своих учеников жить по-новому. Вот мы и учимся развивать науку.

– Он учил, и вы учитесь по церковным книгам. Кто доску запачкал, охламоны? Почему не вымыли! Все за вас делать надо! А что это тут написано – у попа была собака! Семёнов, экий паршивец, ты написал? Иди, вытирай.

– Не могу, ваше преосвященство, стереть такой шедевр с лица доски.

– Ну, Семёнов, ну, берегись у меня, доиграешься до карцера!

Отец Фома взял тряпку, раздался хлопок и священник подпрыгнул на месте, громко причитая: «Свят, свят!»

Директор, прибыв на место преступления, оценил ситуацию.

– Что такое? Провода, физика! Семёнов, что это такое?

– Это проверка закона Ома на практике.

– Так-с, все кружковцы – четыре часа карцера. Нашлись мне тут экспериментаторы-практики.

Следующим испытанием для отца Фомы стал прообраз маятника Фуко. Прикреплённый к верёвке и установленный на прибитом к стене портрете какого-то деятеля от образования, теннисный мячик ждал своего часа. Деревянный, а тем более железный, коим является маятник, решили не использовать. Стопорную бечёвку положили на стол проповедника. Естественно, отец Фома, наорав на безбожников, коими мы, по его мнению, являлись, смахнул конец верёвки со стола, сдёрнув стопор и отправив шарик в полёт. Пролетев полкабинета, шарик чпокнул отца Фому точнёхонько по затылку. От такого подвоха проповедник стукнулся лбом о свой стол, после чего заорал благим матом.

– Ё-ё-ё! Мать вашу, ироды окаянные. Что это такое, кто это придумал?

– Отец Фома, это придумал французский учёный Фуко, а сей маятник висит в парижском пантеоне с разрешения самого Папы римского.

– И что его так запускают?

– Для чистоты эксперимента верёвку пережгли при первом пуске.

– Семёнов, убью!

– Грешно так мыслить, батюшка!

Служитель веры схватил указку и ринулся ко мне, размахивая ей. Я вскочил с места и уклонился от первого маха, отчего указка заехала по голове сидящего передо мной Лежибокова. Я отступал и палкой досталось ржущему, словно лошадь, Беляшу.

Зажатый между рядами к задней стенке класса, я шагнул навстречу замахвающемуся попу и, ухватив его за кисть, второй рукой прихватил тому локоть и крутанул руку. Отец Фома отбил ещё один земной поклон, встретившись своим лбом с партой Джека, а я выскочил из угла. Матерясь на великом и могучем, отец Фома ринулся ко мне, а я схватил стоящую в углу швабру и занял фехтовальную позицию. В классе стоял хохот и крик.

Проходящие мимо класса директор и Горняков с удивлением уставились друг на друга.

– Что там у отца Фомы за светопредставление?

Открыв дверь, преподаватели увидели стоящего к двери спиной разъярённого и матерящегося батюшку, скрестившего с моей шваброй свою указку, при этом активно нападающего на меня.

– Отец Фома, Семёнов! Что здесь происходит?

– Батюшка представил себя ДАртаньяном и напал на гвардейца кардинала Семёнова!

– Отец Фома, прекратите, Семёнов, в карцер живо!

Толи батюшка не услышал, толи не узнал говорящего, но он развернулся к двери и с размаху треснул палкой по башке идущего разнять драчунов директора, конкретно вырубив того.

В итоге я сидел в карцере до вечера, директор, Лежибоков и Беляш щеголяли перевязанными головами, у батюшки был здоровенный шишак на лбу, а вся гимназия потешалась над рассказами об этих событиях.

На следующем уроке я сидел спокойно, а батюшка, только глянув на меня, морщился словно от зубной боли и трогал свой лоб.

«Кто будет отвечать?» – спросил отец Фома, приложившись к заветной фляге.

– Разрешите, я!

– Не кричи, голова итак раскалывается, кто я?

– Гимназист Семёнов.

– Изыди, Семёнов, видеть тебя не могу.

– Слушаюсь.

– Отвечай уж, учёный. А что, это правда, что сам Папа римский разрешил Фуко этот маятник в людей запускать?

– Так точно, сему есть документальные свидетельства, что ради науки можно маятник запускать.

– О, Господи...

Следующей боевой операцией против батюшки была очередная научная пакость. Дни были солнечные и тёплые, так что перед Пасхой на окно мы установили линзу, сфокусировали её на самый верх доски и насыпали туда горку и дорожку красного со спичек и белого из аптеки фосфора. Репетиция прошла успешно, осталось подгадать, чтобы на уроке с отцом Фомой было солнечно.

Как обычно был спор о науке и религии, который вели и другие ученики класса, когда Фома проговорил.

– И вспыхнет пламя, и очистит от ереси Землю!

Луч солнца через линзу грел фосфор, грел, да и нагрел. Именно после этих слов пламя и вспыхнуло. Ребята из класса закричали, показывая на доску.

– Батюшка, на доске пламя горит от ваших слов.

– Что такое?

– Отец Фома, пламя вспыхнуло, ересь палит!

Батюшка оглянулся и проговорил.

– Вот оно как, что Слово делает!

– Батюшка, вы аки святой, своими речами тьму разгоняете.

Отец Фома, видать, настолько обомлел от увиденного, что застыл, раскрыв рот, смотря на угасающий огонёк. Когда огонь потух, он с благоговением проговорил: «Чудны дела твои, Господи!»

В преподавательской отец Фома раз двадцать рассказал о пламени, вызванное его словами. Причём, если вначале это был маленький огонёк, то к двадцатому повтору весь класс пылал в очистительном огне. Ко мне подошёл Горняков.

– Лёша, что там с попом нашим произошло, неужели огонь снизошёл от его слов?

– Все было гораздо проще и научнее.

– Вот же засранцы.

В этот же день Горняков рассказал преподавателям, как было дело.

Расстроенный батюшка сидел со мной ипил принесённый мной кагор.

– Лёша, ну как же так? Я уж было подумал, что силой слова могу зажигать пламя!

– Отец Фома, есть люди, которые это умеют делать, настолько сильна их вера в свои силы. Ведь, все мы дети Бога, а значит, можем делать очень многое. Просто мы не верим в себя, ограничивая свои силы словами "это нереально". А я продемонстрировал вам науку.

– Знаешь, Лёша, я, общаясь с тобой, стал задумываться о наших спорах. Возможно, ты и прав в том, что Господь даёт нам знания, которые мы сможем осмыслить и реализовать. Постепенно даёт, но они направлены на познание природы, как детища Бога, а знания – это мысли Бога, данные своим детям.

– Мне кажется, что вы это очень точно сформулировали, лучше и не скажешь.

– А вот ты молитвы не учишь, не веришь в их силу.

– Верю, батюшка. Верю в силу мысли, а молитва помогает нам настроиться на нужные мысли – добрые и божественные.

– Разрешаю тебе на мои занятия не ходить, все равно тебя не переделаешь, а мне спокойнее будет.

– Я переговорю с ребятами нашего класса, чтобы не пакостили вам.

– Хоть какая-то от тебя польза есть, Алексей, ха-ха-ха!

Но воевали мы не только с учителями, шалили гимназисты и с прибытком. К слову говоря, одеждой даже в небедных семьях дорожили. Поэтому обновы покупались старшему из детей, а остальные донашивали то, что осталось от братьев. Даже гимназисты щеголяли в шитых-перешитых брюках. А так хотелось штанов прямо от портного! Так что пацаны выдумывали разные ноу-хау, как поменять поношенные брюки на новые.

На перемене мы компанией стояли в коридоре, где парни травили байки. Рассказывал Тяпкин, который с Ляпкиным и Докторовым провернули очередную махинацию.

– План был такой. Выбрали двор с собакой без намордника и хозяином, которой булочную держит. Вначале пса раздражили, он, естественно, огрызнулся, и я тут же собаке подставил штанину. Она как вцепилась в неё, еле вырвал. Дальше дыру разорвали пошире и пошли к городовому. Страж правопорядка составил акт, по которому владелец собаки должен был заплатить за разорванные штаны. Мы уже четвёртого так переодели!

– Ну, комбинаторы! С кем я связался...

– Ха-ха-ха!

Если в классе всё было более-менее ровно, то на перемене я столкнулся с классовой несправедливостью. Классовой в том смысле, что старшеклассники обижали всех, кто был младше. Мы с приятелями зашли в гимназическую столовку, где на входе я столкнулся с крупным, выращенным на настоящем сливочном масле и парном молоке с копчёными окорочками, бугаем. Парень был высокий и от природы довольно плотный, толстокостный и толстокожий, я бы сказал.

– Куда прёшь, щегол!

Я шёл первым, поэтому понял, что обращаются ко мне, но по инерции переспросил: "Это ты мне?"

– Тебе! Гони за вход двадцать копеек.

– Это почему?

– По кочану, баран.

Он схватил меня за грудки и потряс, отчего я болтался словно Буратино в руках Карабаса Барабаса. Хорошо ещё, что он меня на вбитый в стену гвоздик за шкуру не повесил, наверное потому, что гвоздя не было.

– Ты че, лапоть, оглох!?

– Нет.

Я пошарил в кармане и нашёл копеек тридцать, достав всё, что было. Естественно, он загрёб себе все деньги.

– Молодец, щегол, завтра ещё тридцатку принесёшь, а не то!..

Парни молча стояли, младшие ученики тоже старались быстрее проскочить мимо разборок. Кабан пошёл покупать себе обед, а вслед за ним и мы.

– Пацаны, это что за кекс?

– Прохор Усладов из 8-Б, сын купца первой гильдии. Здоровый чёрт.

– И часто он так трясёт молодняк?

– По-разному...

Я вспомнил повести "Очерки бурсы" Николая Помяловского, где он рассказывал о нравах бурсаков, Лермонтова и других военных о нравах в кадетских и юнкерских училищах, свою школу конца 20-го века – так было во все времена и всё зависело от наглости учеников.

– Лёх, о чем задумался? Ты бери себе еду, а мы скинемся и заплатим.

– Спасибо, парни. Сейчас подкреплюсь и разберёмся с этим Усладовым.

Прохор поел и вальяжно вышел из столовки, а я выскочил из-за стола и засеменял следом. На выходе я его нагнал.

– Эй ты, толстопузый, с тебя рубль за выход.

Мои товарищи опешили, а Усладов повернулся поглядеть, кто это там пищит.

– Это ты мне, щегол?

– Ты ещё и тупой. Не понимаешь, что я сказал?

– Ах ты, щегол, да я тебя...

Он протянул ко мне руки, пытаюсь схватить, но получил серию ударов по лицу и чёткий апперкот в челюсть. У меня аж рука заболела от такого удара. Парня повело, но он устоял на ногах. Я же напал на него снова, обрабатывая кулаками его фэйс. Он схватил меня, но я, выполнив зацеп его ноги, подсек её, навалившись всем телом, отчего он грохнулся на пол, а я оказался сверху. В стиле бойца ММА оседлал и снова принялся обрабатывать его голову кулаками, разбив нос, губы и бровь, отчего лицо заливала кровь. Мои кулаки тоже были в его крови, как и лицо, которое я иногда протираю рукой. Он уже не сопротивлялся, лишь закрывая лицо руками.

– Шухер, директор.

Парни разбежались, а меня кто-то больно схватил за ухо и попытался оттащить от Услава.

– Ухо отпусти, пока в морду не дал!

Директор понял, что надо отпустить, но принялся оттаскивать меня руками. Я поднялся.

– Зайдёшь ко мне в кабинет, а сейчас умываться.

Через полчаса я был в кабинете директора.

– Завтра родителей ко мне! Ах, да, Семёнов. Что произошло, из-за чего драка?

Мы пообщались у него в кабинете и директор отправил меня на занятия. В гимназии только и было разговоров о том, что Сэмэн Услава избил.

На следующий день после уроков я с Доком и Сержем возвращался домой, когда нам дорогу пересекли два крепких мужика.

– Кто из вас Семёнов?

– Я.

– Это тебе за Прохора!

Мужик ударил кулаком мне в лицо, но я уклонился и зарядил ему серией ударов в ответ. Второй попытался меня обойти, но на нём повисли пацаны. Он раскидал их и кинулся ко мне. Я с лету врезал ему ногой в пах, отчего тот взвыл и упал на мостовую. Я же продолжил разборку с первым охранником. Мужик резво схватил меня за руку и потянул к себе, намереваясь ударить здоровенным кулаком. Но тут я свободной рукой раза три засадил ему в нос и глаз, разбив бровь, а затем наотмаш врезал локтем в зубы. Мужик свалился на попу, а я добавил ещё ногой в скулу. Потом пару раз зарядил ногой и второму заступнику.

– Ещё один такой наезд и вашего Прохора похороните, ясно, уроды!?

Мы разошлись. Мужики остались зализывать раны, а парни наперебой обсуждали мои удары, при этом потирая свои фингалы. Я же подумал о том, что если бы у меня были кондиции Калинина, то всё было намного проще – нокаутировал бы их и всех делов. А так с непривычки отбил себе обе руки. Силы нет, пришлось брать изворотливостью. Если бы не мои знания бывшего спецназовца, то всё было бы печально – уделали бы меня до состояния тяжелобольного.

Однако после этой драки в школу приходил районный следователь Орлов Олег Петрович, который долго беседовал со мной. После бесед я был поставлен на учёт в полиции, как потенциально опасный субъект.

Так совершенно в разных направлениях шло моё вживание в новую жизнь. А впереди меня ждали забавные или поучительные юношеские шалости и подвиги, отчего я вновь оказывался на особом учёте школьной администрации, столичной полиции и даже жандармерии.

Глава 3. Приобщение к культуре

Мои друзья были обычными ребятами, имеющими нормальные интересы, присущие 17-летним юношам. Это я был очень старым «суперстаром», но всё равно, мой юношеский организм тянуло на подвиги.

У петербуржцев популярным развлечением стал синематограф. Мне же после интереснейших серьёзных и комедийных фильмов СССР, Франции, Италии и США середины и конца 20-го, а также супер спецэффектных фантастик начала 21-го века, смотреть всякую чухню было скучно. Зато народ был в восторге, ходя по два-три раза на эти "кина".

Время великого француза Макса Линдера ещё не пришло, сейчас он начинающий актёр второсортных парижских театров. Его звёздный час придётся на период 1910-1914 годы. Когда я впервые смотрел его фильмы в киноподборке «В компании с Максом Линдером», то плакал от смеха. Потом также с удовольствием пересматривал его фильмы, реагируя уже не так бурно. Чарли Чаплин и Бастер Китон учились на его фильмах, но их шедевры появятся только после первой мировой войны. Так что я засыпал на ужастиках и боевиках тех лет типа "Графа Дракулы", не говоря уже о всяких киноаналогах «Ромео и Джульетт».

Ещё одним повальным увлечением среди молодёжи являлся театр. Мои друзья всё же были реальными пацанами, так что романтические сопли не жевали, но возле театров частенько, особенно девицы или женоподобные юнцы, восторженно делились впечатлениями: «Он так на неё посмотрел, она так на него посмотрела» – тьфу, срамота! Но за компанию, да и надоедало всё время чего-то делать – хотелось обычного отдыха, я ходил с ними.

Ребята выросли, в крови играли гормоны и их тянуло к «высокой культуре». В субботу утром в классе было бурление.

– Чего за кипиш, мужики?

– Лёх, сегодня дают новый спектакль в театре "Арт-Модерн".

– И?...

– Наши все идут, ты как?

– А чего дают?

– Крутая эротика, девки канкан танцевать будут.

Я чуть не подавился от такого анонса.

– Это они так ноги задрать будут, что панталоны видны?

– Ну да, это так сексуально!

Я чуть было не брякнул: "Откройте инет, там валом любой порнухи", – но вовремя одумался.

– Мужики, давайте без меня.

– Сэм, нельзя отрываться от коллектива, пошли.

Стар сумел через родных или знакомых прикупить билетов на нашу банду, так что мы были «белыми людьми». Зато народ в очереди у касс стоял толпой и спрашивал у входящих в театр, не продаст ли кто лишний билетик или контрамарку.

Народу в зал набилось тьма. Мы сидели близко к сцене во втором ряду с самого края, а я так вообще на последнем месте ряда. Передо мной восседали почтенные тётушки из богатых разночинцев с дочками.

В кабинете директора театра.

– Господин директор, поднимите мне жалование на рубль.

– Вы играете роли эпизода, причём, беспринципных злодеев, зачем вам жалование?

– Даже злодеи хотят есть и им нужно одеваться.

– Кукушкин, идите и работайте. Если вам что-то не по душе, после премьеры заявление мне на стол.

– Хорошо, господин директор.

– Так идите и не занимайте моё время. Девочки, у вас все готово? Идёмте на сцену, зритель уже ждёт.

Я сидел и глазел на зрительный зал, когда ко мне подошёл молодой мужчина примерно моей комплекции и одного цвета волос.

– Сударь, вы не сядете на моё место, а то мне очень неловко сидеть возле барышень.

– Отчего ж неловко, сударь?

– У меня бурчит живот, а дамы-с. У меня место на первом ряду, вам будет лучше видно.

Войдите в положение, умоляю.

– Хорошо, давайте поменяемся.

Я уселся на его кресло, поздоровавшись со взрослыми дамами из обеспеченных мещан, сидящими по обе стороны от моего нового места.

Занавес открылся, спектакль начался и народ с энтузиазмом окунулся в перипетии, происходящие на сцене. Артисты старались, играли вдохновенно, все-таки премьеры. По ходу пьесы все мы погрузились в атмосферу парижских улиц и театров. У девицы Мадлен, которая являлась актрисой и танцовщицей какого-то парижского кабаре типа «Мулен Руж» был самый главный воздыхатель по имени Жульен, любящий её больше жизни, своей или её, я так и не понял.

Все было бы хорошо, если бы у девицы не было бы жизненных исканий. Богема, гламурная жизнь, любовники – всем этим жила героиня, а Жульен страдал, причём, так невыносимо печальны были его монологи на природе, что тётки вначале всхлипывали, а затем плакали навзрыд от его терзаний и ревности, скажем прямо, обоснованной.

А любовников она выбирала таких, которые вместо подарков, пользовались её добротой и деньгами. Как только у неё заканчивались деньги, заканчивалась и любовь любовника. Весь спектакль были сплошные переживания из-за расставаний со старыми и встречами с новыми кавалерами. Причём, в самый ответственный момент появлялся главный возлюбленный, из-за большой любви немного неуравновешенный психически, но всегда с пистолетом, поэтому с успехом разгоняющий толпы поклонников.

И вот по сюжету спектакля она встречается на Монмартре со своим очередным, третьим любовником по имени Люсьен. Артист был невысокий, пухленький, лысоватый и лупоглазый – типичная жаба.

Встретившись, они жарко целуются, он обнимает женщину, когда как бы издалека слышится крик Жульена: «Любимая, это я, твой Жуль, я лечу к тебе!»

Она отталкивает Люсьена, говоря ему: «Это Жульен, он убьёт тебя, он революционер, беги!».

Люсьен отбегает и прячется за фонарный столб. Это он опрометчиво сделал – там надо было ставить афишную тумбу, чтобы он смог полностью за ней поместиться.

Сержа от спектакля отвлекло какое-то движение слева и он повернул голову. Сидящий рядом с ним молодой человек встал и собирался выйти из зала.

– Живот прихватило, извините.

Серёга кивнул в ответ и продолжил дальше смотреть спектакль .

– Любимая, я видел возле тебя мужчину, где он?

– Да, милый, ко мне пристал один поклонник, и я не знаю, как от него отделаться!

– Где же он, я помогу тебе!

«Вот он, прячется среди тех людей! – и Мадлен ткнула пальцем в меня. – Вон этот мерзкий тип!».

Мне стало интересно, как они обыграют дальше сценку с типом из народа. Было понятно, что Мадлен, отводя опасность от своего Люсьена, ткнула пальцем в первого попавшегося в толпе мужчину. Просто толпы не было, а были зрители зала.

В сюжет включился герой, который почему-то тоже обратился ко мне: «Негодяй, как можешь ты домогаться женщины, которая не любит тебя! Что ты молчишь, собака?!»

Я «на автомате» пробормотал в ответ: «Я и не домогаюсь этой женщины, я вообще её в первый раз вижу».

Народ в зале захихикал, а Жульен, проглотив смешок, продолжал.

– Ты лжёшь, подлец! Иди ко мне, объяснись. Будь же мужчиной!

Я начинаю понимать, что оказался на месте «подставного зрителя», и козёл с бурчащим животом меня, именно, что подставил. Надо что-то делать, раз уж попал в такую ситуацию, как-то подыграть артистам. Я и подыграл.

– Да не переживай ты так, Жульен. Ты у неё после меня пятый на очереди, так что расслабься.

– Как смеешь ты говорить мне такие вещи. Ты – жалкий трус, ты – вошь!

Тут не удержался интеллигентный и спокойный Виля.

– Сэм, я бы не потерпел таких обзывательств!

Я уже сам почувствовал себя «не в своей тарелке», когда на меня смотрят все зрители.

– Чего это я вошь!? Ты, олень, обороты сбавь, пока рога не пообломал.

«Иди сюда, трусливый червяк! – громко в зал крикнул Жульен, продолжив тихо, – Мадлен, это не Кукушкин, это обычный зритель, что делать?»

«Точно, но надо его любыми средствами вытащить на сцену! – ответила она и включилась в наш диалог. – Мишель, ты мне клялся в любви, а сам струсил при первом, первом...

«Шухере, – подсказал я, – я не боюсь твоего хлюпика, сейчас я приду и заберу тебя!»

– Ты, жалкий хвостун, иди скорее!

Я встал с места и вскочил на сцену со словами: «Ты достал меня, месье!». В ответ услышал фразу Жульена.

– Подлец, я вызываю тебя на дуэль!

Не знаю, специально или нет, но по закону жанра Жульен хлопнул меня по щеке перчаткой, но вместе с перчаткой туда же прилетел и его кулак. Мне стало больно, отчего я заорал на весь зал: «Ты чего, охренел что ли, баран!»

После этого я схватил его за руку, дёрнул на себя и пинком под зад отправил в первые ряды зала. Жульен петушком слетел со сцены и ткнулся головой в подолы платьев сидящих на первом ряду дам, запутавшись в них. Такое продолжение точно не было предусмотрено сценарием, поэтому Мадлен немного растерялась, проблевав: «Жульен, ты как там, жив?».

В ответ раздался мат. Народ в зале смеялся уже от души.

Затем, развернувшись ко мне, она заорала мне в ухо: «Что ты сделал с Жульеном, мерзавец!»

– Не ори, дура, оглушила совсем!

Тут из-за столба выскочил Люсьен, решивший, что надо потянуть время, пока главный любовник снова влезет на сцену, и вступить за свою пассию. Поэтому он напал на меня.

– Мерзавец! Ты ответишь за это!

– За что, идиот, я тебе помогаю!

– За это и ответишь, подлый Мишель!

Тут Люсьен схватил меня за грудки и попытался потрясти. Я согнул колено, чётко попав ему по бубенчикам. От такого пассажира Люсьен отпустил меня и схватился за «одно место».

– Больно же, урод!

– Сам ты лысая жаба!

Ударив ногой по его задку, я отправил в зал и второго «Казанову». Он завалился на вставшего Жульена, отчего тот, под ржание зрителей, обложил его матом.

«Ты дурак, ты что творишь!» – закричала Мадлен и толкнула меня со сцены. Я завалился на спины обоих героев, так толкнув Люсьена, что он головой влетел между ног сидящей

мадамы, где и застрял. Из-за этого кульбита Люсьена, я соскользнул с его спины на пол, больно стукнувшись лбом о ручку кресла, сообщив миру универсальную жизнеутверждающую фразу: «Твою мать!».

Зал сотрясался от хохота, среди которого раздавались крики моих товарищей.

– Кошка драная, совсем сбрендила!

– Сам дурак!

– Сударь, падла, слезьте с моей руки, мне больно!

– Сейчас, как там тебя, Жульен, встану на карачки и сползу с руки.

Девушки и тётки помогали нам подняться, после чего мы забирались на сцену, раскланиваясь зрителям.

«Убегай! По сценарию ты убегаешь», – прошептала мне Мадлен. Я кивнул и сообщил залу: «Я ухожу, но обещаю вернуться!»

Затем я вприпрыжку под аплодисменты зала упорхнул за кулисы.

Жульен обратился к Люсьену: «Месье, вы так благородны. Вы бросились на защиту незнакомой вам дамы! Вы истинный рыцарь!»

Тот не остался в долгу: «Я вижу, как вы любите её. Моё сердце разрывается оттого, что мой кошелек снова пуст, но я не могу мешать вам. Вы замечательная пара. Я ухожу и не вернусь!».

После такого монолога, под хохот зала, Люсьен прохромал со сцены за другую кулису. Он и она, оставшись одни на сцене, обнялись.

«Любимая, это ты! – громко на весь зал проговорил Жульен, и тихо на ухо Мадлен. – Этот сукин сын так больно пнул меня в зад».

Мадлен также громко для зала и тихо для партнёра по сцене сказала.

– Любимый – это я! Я чуть не упала со смеху, когда он отбил яйца Люсьену, после чего отправил его к тебе под кресла.

– Да уж, любовник из Люсьена пока никакой.

В это время за кулисами сцены я стоял напротив какого-то мужика с замашками директора и препирался.

– Молодой человек, как вы там оказались? Зачем вы избili артистов?

– Ваш актёр предложил мне поменяться местами. Я, конечно, ценю искусство, но почему мне один заехал кулаком в зубы, а второй стал трясти за костюм, кстати, он оторвал мне пуговицу пиджака.

– Да-с, погорячились мои артисты, но и вы хороши. Господин Семёнов, возьмите, здесь десять рублей на ремонт пуговицы. Надеюсь, что вы не будете рассказывать о подмене. И вообще, приходите сегодня на банкет после премьеры спектакля.

– Я не один, нас почти десять человек.

– Их тоже приводите.

Так мы познакомились с труппой «Арт Модерна», а я с очаровательной Мадлен, в миру Ольгой Симочкиной. Артисты Люсьен и Жульен на банкете меня игнорировали, особенно Люсьен, Кукушкина больше никто не видел. После этого мы сходили несколько раз на разные спектакли, но больше участвовать в пьесе мне не довелось.

Ходили мы с ребятами и на танцы. Откровенно говоря, меня местные танцы не впечатлили. Скакать под польку или мазурку я не умел, хотя нас и учили в гимназии этим танцам, вальс танцевал, но хотелось чего-нибудь иного, более яркого. А вот с ярким было пока проблемно. Танго в Париж привезут из Аргентины лишь в 1910 году, в России оно и в 1914 году будет под запретом. Фокстрот уже играют, но его более живая версия «квикстеп» появится только в 1920-х, а в советской России они будут под запретом до 1960-х, когда его включают в европейскую программу бальных танцев. Может им тут рок-н-ролл замутировать? Жаль, что ни я, ни Лёшка Семёнов не умели играть на гитаре или барабанах, не «лабухи» мы. А то бы я

рок-группу организовал и «сбавали» какую-нибудь «Тутти-фрутти». В общем, поначалу мы ходили с парнями знакомиться с культурным досугом того времени, а к лету стало некогда, да и интересы у нас немного изменились.

А ещё из хороших новостей в школьной жизни стала организация Горняковым на постоянной основе школьного физического кружка. Только здесь я от души делился своими знаниями. Начал с азов радиотехники и электротехники, благо, я был знаком с теорией радиодела, имея радиотехническое институтское образование и кое-что помня с тех пор. В соавторстве с Горняковым мы проводили опыты и фиксировали, правда, пока для себя, результаты наших экспериментов. Начав такие исследования, Петрович намеревался получить грант за разработку прямо-передатчика.

– А что, Лёш, в наше время об электромагнитных волнах знают достаточно мало, приборы фиксации волн не совершенны, а учитывая твои гениальные просветления, у нас может получиться. Давай вместе исследовать это новое дело.

В принципе, я был с ним согласен. Мои теоретические и практические знания в этом вопросе, полученные в 1980-х годах, давали возможность заняться разработкой как теорией электрических цепей, так и прикладной реализацией, и таким образом, оставить свой след в российской науке. А параллельно неплохо было бы создать образцы измерительной техники, например, приличные для этого времени мультиметры, необходимые для регистрации параметров этих самых электрических цепей.

Приходилось вспоминать институтские знания по радио- и электротехнике, попутно просяживая вечера в публичной библиотеке и знакомясь с имеющимися трудами в этой области, в основном, зарубежных учёных. Изучая теорию по книгам и слушая мои ценные советы, ребята на практике мотали катушки с постоянной и переменной индуктивностями, Ш-образные и тороидальные трансформаторы, создавали полосные и узкочастотные фильтры, подавая на них напряжение и исследуя возникающую ЭДС, меняющую свои параметры от количества витков и толщины провода. В дальнейшем мы занялись созданием бумажных конденсаторов, резисторов и индуктивностей, после чего собрали схемы умножителя и делителя частоты на основе индуктивно-ёмкостных цепочек. Рассчитал электрические параметры схемы я, но не "на глазок методом тыка», а по формулам, описывающих закон Ома, и взятой из моей памяти теории электрических цепей, тем более Кирхгофф свои законы уже вывел. Макетировали рассчитанные схемы все вместе.

Изучая теорию по научным журналам, слушая мои «божественные откровения», проводя различные опыты, ребята росли в профессиональном плане. Однако сейчас мы с Петровичем были «мозгами», а пацаны «руками», воплощающими теорию в практику.

Неделя прошла в тренировках, тут меня дёрнул Горняков с очередной идеей, навеянной профессором Александром Степановичем Поповым – русским физиком и электротехником. В январе 1900 года за участие в организации беспроводного телеграфирования Попову была объявлена «высочайшая благодарность и «высочайшее соизволение» на выдачу ему вознаграждения в 33 тысячи рублей. В апреле Попов разработал программу чтения лекций о беспроводной телеграфии и программу практических занятий. Вот Горняков и попал на эти лекции, после чего компостировал мне мозг гальваникой.

– Петрович, отстань от меня. Ты кто – рядовой школьный учитель, а Попов целый статский советник, генерал-майор. Кто тебя к нему пустит? Если я не ошибаюсь, то Попов сейчас на должности ординарного профессора физики в Электротехническом институте преподаёт.

– Никто не пустит, я сам зайду в институт. Я тут давеча был на его лекциях по гальванической электротехнике.

– Заметно.

– Он проводит опыты по выработке электрического тока при химической реакции элементов.

– Давай бумагу, писать буду. Будет тебе самый суперский свинцовый аккумулятор. Вот его мы изготовим и будет нам счастье.

– Свинцовые аккумуляторы широко используются. Ты знаешь, как устроен особенный аккумулятор?

– Знаю, из чего он будет устроен в 21-м веке, его материалы и параметры. Кстати, при подачи электрического тока в химвывод с присадками, например, хрома, и помещением в эту ёмкость металла, можно, провести гальванизацию и получится хромированное железо.

– И что это значит?

– Это значит, что оно не ржавеет и красиво выглядит. Точнее, ржавеет оно будет в местах нанесения хрома очень тонким слоем – браком или там, где будут деформации, но это ерунда по сравнению с тем, что оно все станет антикоррозийным. Профессор Якоби, отец русской гальваники, сто лет назад это изобрёл, только не довёл до практического применения. Достань хром, серную кислоту, дистиллят, и вместе проведём опыты по хромированию металла. А вот это надо держать в тайне. Когда мы получим результат, то сможем подать заявку на патент, и в будущем это будут большие деньги.

Затем я рассказал устройство автомобильного кислотного аккумулятора, завершив словами: «Размеры будут примерно такие, банка выдаст около двух вольт напряжения. Если надо вольтаж больше, то свинцовой перемычкой последовательно соединим клеммы нескольких банок. Также в состав пластин обязательно добавим несколько процентов сурьмы – в положительные и кальция – в отрицательные электроды, и состав электролита составим в особой пропорции. У нас будет лучший в мире кислотный аккумулятор».

– Алексей, какая преступная беспечность! Ты знаешь, как делать такие необходимые вещи, а собираешься работать переводчиком или кем-там ещё?

– Понимаешь, Петрович, все эти знания не мной придуманы, а сидеть в лаборатории и двигать науку – это не моё.

– Но это же премии, звания, слава в конце концов!

– Вот и получай их себе, а я чем-нибудь более простым займусь.

Так мы создали прибор под названием «кислотный аккумулятор» 21-го века, рядом с которым имеющиеся проигрывали по всем параметрам, и начали проводить опыты по гальванизации сталей различными цветными металлами.

В общем, забыв про Попова – он и сам теперь всё сделает, рассчитает или экспериментально подберёт, Горняков окунулся в новую для себя жизнь. Насколько я знал, получив доступ в моем лице к более глубоким практическим знаниям, чем сейчас были известны в этой области, он увлёкся идеей исследования радиофизики и физики электричества. Начав более глубоко изучать научные труды по данной теме, проводя вечера в библиотеке, посещая открытые лекции известных русских учёных, он менялся на глазах, становясь очень даже эрудированным в этой области человеком.

Глава 4. Дела житейские

Денежные средства родителей подходили к концу, и передо мной в полной мере вставал вопрос новых поступлений. Об этом я рассказал Петровичу, в связи с чем, он тоже стал чесать репу по этому поводу.

Перед сном, когда тянет на философские темы, я размышлял о делах своих скорбных: «Экспроприация – самый быстрый способ обогащения, что есть хорошо. Теперь минусы. Придётся жить в напряжении от того, не наследил ли ты где, не придут ли за тобой как полиция, так и люди ограбленного. Второе – кого грабить. Порядочных богатеев нет, но за ними стоит полиция со своим репрессивным аппаратом, значит, для души спокойнее ограбить воровского авторитета, тот в полицию не обратится. Но это тоже не вариант. Высмотрю такого авторитета и что. Он же не носит с собой большие деньги, значит, надо будет проводить допрос. С крепкими мужиками-охранниками или самим авторитетом драться не вариант, хлипкий я, силы удара нет, так что есть большая вероятность того, что драку проиграю. Значит, необходимо сразу убивать их, что тоже «не айс», потому что у трупа я никак не смогу узнать, как говаривал товарищ Бендер «где спрятан ключ от квартиры, в которой деньги лежат». К тому же это «мокрая» статья, а правосудию совсем неинтересно, что я убью бандита. Ладно, стану я грабить плохишей или нет, пока неизвестно, но для самообороны нужно достать хороший охотничий нож, а лучше штуки три, если потребуется метать, да и пистолет не помешал бы.

Но это так, мысли вслух, а сейчас несколько месяцев воздержусь от великих дел, буду просто жить, попутно присматриваться, приноживаться и прицениваться, а там глядишь, какой-нибудь случай под руку и подвернётся».

Вот так я возлежал на кровати, разговаривая и даже споря сам с собой, выступая генератором перспективных идей и своим же оппонентом – тормозом мечтаний.

– Решено, займусь поиском честного заработка. Попутно силушку богатырскую подкачаю перед грядущими смутными временами. А как на жизнь зарабатывать? Можно, как советовал школьный физик, репетитором побыть, каких-нибудь олухов поучить уму-разуму на английском языке, а можно и переводчиком. К тому же, Саня, то есть Витя, то есть Лёха, чем ты хорошо умел заниматься в прошлом?

– И чем я хорошо умел заниматься?

– Вот ты «васямба», ты же неплохо играл в футбол и сносно боксировал.

– Ну и что, сейчас начало 20-го века в России, а не 21-го. Это тогда у спортсменов будут такие гонорары, что обычному человеку всю жизнь надо вкалывать, чтобы заработать столько, сколько в спортклубе высшей лиги футболист за год сделать может.

– Не скажи, товарищ Семёнов, пусть в деньгах ловить сейчас нечего, но ты же можешь стать пионером в этой области в России. В реальной истории чемпионат страны по футболу организуется лишь в 1911 году. Естественно, «звёздная» сборная поедет на Олимпиаду 1912 года, где сыграет один матч и героически влетит сборной Германии 16-1. На этом официальная международная карьера сборников закончится. Насколько я помнил, они влетят финнам в товарищеском матче, кажется 10-0. Так что даже чемпионат страны 1900-х по своему уровню будет не сильнее, чем игры дворовых команд из 1950-х годов, то есть очень примитивным.

В 1901 году англичанами, приехавшими в Россию работать по контракту на различные мануфактуры, и создавшими свои команды, будет организован чемпионат Санкт-Петербурга. Первый турнир будет разыгрываться с участием всего лишь трёх английских команд – «Невка», «Невский» и «Виктория». Приглашённый русский «Спорт» откажется, зная уровень своего мастерства.

Так что, Алексей Николаевич, есть, где развернуться твоей деятельной натуре. Правда, дело за малым: вначале надо набрать команду, затем физически подкачаться, и главное, научить ребят играть в футбол, а не бегать за мячом, сломя голову.

Для реализации моих планов нужны люди и тренировочная площадка. К сожалению, в центре города с пустырями было не очень, так что найти площадку дело не простое.

Далее мои мысли перетекли на бокс. В царской России спорт вообще был слабо развит, в крупных городах существовало очень небольшое количество спортивных организаций, так что бокса «больших достижений» не было в принципе. Одним из пионеров отечественного бокса в Москве стал поручик Первого лейб-гренадерского Екатеринославского полка барон Михаил Кистер. А в Санкт-Петербурге этот вид спорта развивал француз – чемпион Франции по французскому и английскому боксу Эрнст Лусталло. Среди учеников Лусталло – первый чемпион России по боксу Иван Граве и пятикратный чемпион СССР Иван Князев.

В будущем мне удалось увидеть этих и ряд известных боксёров на ринге. Так что объективно мог сказать, что такие талантливые боксёры как Аркадий Харлампиев, Иван Граве, Николай Никифоров, Николай Алимов уже резко выделялись из всей массы тогдашних боксёров своей технической подготовленностью. Кстати, в семье у Аркадия Харлампиева в 1906 году родится тот самый Анатолий Харлампиев, о котором будет создан советский фильм «Непобедимый» и, который станет одним из трёх создателей советской системы самообороны без оружия или «самбо». Раз уж сказал о нем, то нельзя не упомянуть его более старших предшественников, учителей и сподвижников.

Первый – это будущий армеец Василий Ощепков, обладатель черных поясов по японскому дзю-до и окинавскому джиу-джитсу, ставший советским разведчиком в 1918-1920 годах в Китае и Японии. Несмотря на все его заслуги в 1937 году он будет репрессирован как японский шпион.

Второй основоположник системы рукопашного боя, преподаваемой спецназу – это будущий динамовец Виктор Спиридонов. Его школа была создана на основе русского рукопашного боя и дзю-до, причём, он является автором самого термина "самбо". Молодым парнем он воевал в пехотной части в русско-японскую войну 1905 года, где и познакомился с дзю-до.

Перечисляя этих людей, не могу не сказать о спортсмене – первом в истории чемпионе мира по самбо в своей весовой категории, а в дальнейшем инструкторе, в том числе, боевого самбо, уральце Александре Сергеевиче Фёдорове, умершему в 61-летнем возрасте в 2006 году. Этот человек обогатил самбо очень многими приёмами, взяв на вооружение борьбы использование рук, ног и центра тяжести противника, как систему рычагов, на которую надо воздействовать. Такие же методы, только переработанные в целую систему, использовал гений рукопашного боя Алексей Алексеевич Кадочников.

Естественно, что милицейским и военспецам преподавался закрытый раздел боевого самбо – системы убийства противника, а для обычных спортсменов была разработана его спортивная трактовка – «вольная борьба».

А что касаясь бокса, то лишь в 1913 году спортобщество «Санитас» издаст первые правила бокса и организует проведение первого чемпионата России. Так что в 1900 году передо мной открывалась настоящая целина для спортивного творчества.

Учитывая произошедшие со мной события, когда я оказался предоставлен сам себе, решил делать денежные запасы, зарабатывая и откладывая на чёрный день. Подчиняться трудовой дисциплине и трубить от звонка до звонка на заводе или в чиновничьем аппарате желания не было, поэтому меня больше прельщала стезя индивидуального предпринимателя или самозанятого товарища. Осталось найти работу честного свободного художника.

Как-то, гуляя солнечным февральским днём по Невскому, на одном из зданий я увидел табличку «Бюро переводов Упвалов и сыновья». Зайдя в заведение, обратился к сотруднику.

– Простите, я хотел бы узнать насчёт работы?

– Вы кто?

– Гимназист.

– Какими языками владеете?

Тут же вспомнился монолог известного юмориста: «Языком владеете?

– Да.

– Тогда на почтампе будете клеить марки».

Я же ответил: «Английским, арабским, старославянским, фарси, пушту, немецким и греческим».

Переводчик посмотрел на меня через очки и заговорил по-немецки. Я ответил, рассказав о себе.

– Неплохо, голубчик, а попробуйте с листа перевести, скажем, вот эту главу?

Я глянул на автора – Генрих Гейне «Книга песен». Книги середины-конца 19-го века отличались от произведений писателей эпохи романтизма, например, Вальтера Скотта или Александров Дюма. Они становились «тяжелее», авторы все больше изображали реализм жизни, где все отчётливее звучала тема социального неравенства. В принципе, об этом можно судить по романам Диккенса, Достоевского, пьесам Николая Островского. Я довольно бегло и литературно одолел первую страницу.

– Недурно-с, молодой человек! Пройдите к нашему редактору. Когда будете с ним разговаривать, сошлитесь на меня – я дам вам рекомендацию-с, н-да! Вы жили в Пруссии?

– Бывал.

– Заметно.

Так я стал внештатным переводчиком «Бюро переводов Уповалов и сыновья», переводя, в первую очередь, довольно сложную из-за специфических терминов техническую литературу и более простую газетную периодику. Правда, я говорил на слишком архаичном арабском языке, а на европейских, наоборот, чересчур современных для 1900 года. Но ничего, почитал английские и немецкие газеты, издаваемые в Петрограде, и адаптировался. Так же адаптировался писать на русском образца 1900 года с его мёртвыми буквами и характерными этому времени оборотами речи. Достаточно успешно пробовал переводить с фарси. Переводы я отдавал в бюро переводов, работал быстро и с литературной точки зрения достаточно качественно.

Между тем, весна уверенно вступила в свои права, дело шло к маю, дни становились теплее и длиннее, на носу была Пасха, а там май пролетит и учебный год закончится. А летом у меня станет побольше времени на личные дела.

Пришла Пасха и я, как верующий человек, решил в этот день отстоять пасхальную службу. Я стоял у колонны в Казанском соборе, слушал монотонное чтение праздничных молитв высокопоставленными церковными чинами и замечательное пение хора. Слушал я это с закрытыми глазами.

«Молодой человек...», – донёсся до меня голос с небес.

– Ого, у меня и в этом мире раскрываются сверхспособности и я смогу получать информацию из ноосферы!

«Молодой человек, вам плохо?» – повторил тот же приятный женский голос, а затем кто-то подёргал меня за руку.

«Увы, все гораздо проще, просто кто-то меня помогает», – пришла в мою голову следующая мысль и я открыл глаза.

Рядом со мной стояла приятная женщина, которая, спрашивая меня о самочувствии, трогая за руку. Из-за её спины выглядывала красивая девушка лет шестнадцати, которую я сразу узнал, прелестная девчушка десяти лет и довольно боевой пацан годков под двенадцать. Сзади них в парадном мундире стоял морской офицер в чине капитана третьего ранга, почтенный глава семейства. Когда я занял место у колонны, их не было, получалось, что они подошли

в процессе службы. По краям церковного зала всё время происходило хаотичное движение людей от центра к выходу и наоборот.

– Спасибо вам за беспокойство, я просто заслушался пением.

Отвечая этой миловидной женщине, я, естественно, смотрел ей в глаза, одновременно пытаюсь увидеть и её дочку.

«Ну, раз вы себя хорошо чувствуете, это замечательно, только косоглазие не зарабатывайте», – улыбнулась она мне в ответ.

Тут я сообразил, что действительно перестал контролировать своё благообразное поведение, поддавшись естественному инстинкту – наблюдению за дамой сердца, при этом чуть не заработав косоглазие, когда одновременно пытался смотреть на маму и дочку. Девушка была настолько обаятельной, что даже в таком юном возрасте обладала воистину убийственным женским шармом. Она просто притягивала мой взгляд. Неожиданно для себя, я процитировал слова из песни Высоцкого: «В тот вечер я не пил, не ел, я на неё одну глядел, как смотрят дети, как смотрят дети!..», – после чего, не став тушеваться, завернул комплимент по поводу женской красоты мамы и её дочерей. Девушка, слушая мой ответ, аж закатила глаза, как это умеют делать симпатичные девчонки в 16-17 лет, как будто говоря: «Ой, ну во-о-още!»

Но тут снова задвигались людские массы, к тому же разговаривать во время службы был явный моветон, поэтому семейство плавно сместилось от меня вглубь собора. На их место тут же встали какие-то толстые тётки из богатых мешан. Некоторое время я наблюдал за уходящей девушкой, которая, как бы невзначай, оглянулась в мою сторону, и успел помахать ей рукой. Вскоре они скрылись за очередной колонной, да и меня потеснили в сторону. После службы был крестный ход, где я шёл вместе с другими верующими вокруг собора с зажжёнными свечами под молитвенное пение священнослужителей. Я крутил головой, но в эту ночь больше понравившуюся мне девушку не увидел, зато услышал забавный разговор. Рядом со мной встретились две женщины возраста "кому за 60" и стали христоваться.

– Христос воскрес!

– Воинственно воскрес.

– Не воинственно, а воистину.

– Воинственно! Моя матка так говорила и я так говорю, и это истинно так!

Вторая женщина, взглянув на смеющегося меня, быстро отошла от этой воинственной дуры, которая даже не понимает того, о чём говорит. Как гласит народная мудрость: «Заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибёт».

Возвращаясь домой, семейство Лариных, разговаривало между собой. Паренёк поддевал свою старшую сестру, а родители прислушивались к разговору, переглядываясь.

– Юлька, как на тебя этот гимназист смотрел, точно втрескался! Он даже не ел ничего из-за тебя. Плохо, что он бедный, нашему «папа» не понравится.

– Ну и ладно, зато он за себя постоять умеет. Помнишь, я рассказывала, как один гимназист подрался с шестью детдомовцами на Мойке.

– И что?

– А то, что это и есть тот самый парень. Он так всех отмутил, что они разбежались.

– Да ну, не может быть, чтобы один шестерым дал по морде.

– Георгий, как ты выражаешься! По какой морде?

– По ихней.

– Георгий, не по ихней, а по их, и не морде, а по лицу. Не уподобляйся уличным беспризорникам.

– Pardone, мама, je vais parler cultur element.

– Вот именно, говори культурно, ведь ты образованный мальчик.

Тут вступил в разговор папа.

– Юлия, этот парень действительно отбил от шестерых, используя необычные приёмы?

– Я же рассказывала, что он всех их повалял по земле, как кегли, а пошедший городской ещё удивлялся, что столько лет живёт, но никогда не видел таких приёмов.

Папа же подумал о мастерах Китая, показывающих элементы борьбы кунг-фу, которые он, будучи в морской экспедиции, видел в Порт-Артуре.

– Странно, Алевтина, откуда этот мальчик знает восточную борьбу?

«Не бери в голову, Иван. Девочке много чего могло привидеться, – ответила жена, – l'âge de la romance – романтический возраст».

«И ничего мне не привиделось, всё было взаправду», – ответила девушка, вспоминая обжигающий взгляд незнакомого парня, от которого неожиданно приятно сжалось внизу живота.

Конечно, события в стране коснулись и нашей школы. Отдавая дань моде на всевозможные кружки и общества, целью которых была мировая революция, старшеклассники организовали свой школьный социал-демократический кружок, на заседания которого приглашали далеко не всех, а только избранных. Иногда на школьных переменах, когда в компании собирались старшеклассники, его участники рассказывали о бурных политических дебатах, проходивших на заседаниях. Особенно кружковцы были в авторитете, когда рассказывали, что к ним в кружок приходили настоящие революционеры. Все допущенные к тайне, были очень загадочны и вели себя очень важно. У кого-то старшие братья или родители даже входили в действующие столичные партии, что создавало ореол суперзначимости вокруг этих старшеклассников – как же, он общается с людьми, которые творят революцию.

Заправляли в этом кружке восьмиклассники, а я был обычный семиклассник, пусть и изменившийся в последние месяцы. Естественно, я не лез туда и становиться членом этого кружка совершенно не собирался. Однако шила в мешке не утаишь, и народу стало известно о великом докладе семиклассника, который произвёл фурор не только в учительской, но и в попечительском совете гимназии. В связи с этим ко мне подошёл очень важный член кружка восьмиклассник Сава Цукерман.

– Сэм, гимназисты рассказывают об интересном докладе, который ты сочинил. Чего ты там такого понаписал? А народу будет интересно?

– Понаписал разное о политике и положении в стране. Когда писал, мне было интересно, а что думают остальные мне до фонаря.

– В общем, Сэм, мы тебя приглашаем на наше заседание, прочитаешь там доклад.

– Меня не интересуют ваши заседания, поспрашивай у ребят, они что вспомнят, то и расскажут.

– Ты чего, парень, революцию не уважаешь? Нас пригласили на заседание ячейки Питерской социал-демократической партии. Мы будем на настоящей маёвке. Говорят, что сам товарищ Засулич будет.

– Тогда уж, сама товарищ Засулич.

– Да? А она что, баба?

– Баба, причём, конкретная, шлёпнет тебя и не поморщится, если посчитает, что ты мешаешь делу революции. А вы каким боком со своим детским садом на партийное заседании приглашены?

– Ты чего, у нас серьёзная организация!

– Ну, ясен пень, серьёзная. Даже сам товарищ Засулич о вас знает. А случайно на вашем заседании товарищей Юлия Цедербаума слевой Бронштейном не ожидается?

– Юлия Цедербаум не придёт. А это что за баба, тоже революционерша?

– Сава, ты делаешь мне смешно! Это товарищ Юлий Осипович Мартов.

– Так он что – еврей? Он же Мартов.

– Такой же стопроцентный, как и ты. Только он все же Цедербаум, а Бронштейн – это Троцкий, если ты не в курсе.

– Нет, Сэм, вроде, только Засулич должна быть. Старший брат председателя нашего кружка, Мони Зайсберга, член питерской ячейки РСДРП, так вот он нас и пригласил. Только нам, молодым революционерам, надо что-то умное сказать перед вождями пролетариата. А тут ты со своим докладом объявился. Вот тебя и решили подтянуть.

– Хорошо, раз перед вождями мирового пролетариата надо выступить, значит, приду. Так вашему айсбергу и передай.

– Он не Айсберг, он Зайсберг.

– Тем более. Скажешь, когда мне нужно быть.

– Только, Сэм, вначале надо у нас в кружке почитать твой доклад, а то ещё ерунду написал какую-нибудь.

– Если доклад произвёл фурор в попечительском совете района, то для вас, убогих, его содержание будет «выше крыши».

Я уже не слушал, чего там бормотал обиженный Сава, а вспоминал всё то, что читал об этой тёте. Вера Засулич пришла на приём к градоначальнику Петербурга генералу Фёдору Трепову и тяжело ранила его двумя выстрелами из револьвера в живот. Была немедленно арестована, но на суде снискала симпатии присяжных заседателей, а тут ещё в либеральной прессе в защиту девушки поднялся нешуточный шум. И хотя по закону за подобные преступления полагалось до 20 лет тюремного заключения, суд присяжных полностью оправдал Засулич. В итоге председатель суда Кони с треском вылетел из этого самого суда, а министр юстиции граф Пален, из своего министерского кресла.

А дальше её политическая судьба была очень даже интересной. Она решительно отказалась от прежних террористических взглядов, изучив идеи марксизма, даже ведя переписку с Марксом и Энгельсом. В результате была представителем российской социал-демократии на трёх конгрессах II Интернационала, проходивших в Европе в период 1896-1904 годов.

В этот свой тайный приезд в Петербург она познакомилась с Владимиром Лениным, который сейчас также прячется где-то в Питере. В результате знакомства в 1900 году она вошла в первый состав основанной Лениным редакции нелегальной революционной газеты «Искры». Однако на Втором съезде РСДРП в 1903 году в рядах партии произойдёт раскол, и Засулич примкнёт к меньшевикам, став одним из лидеров этой партии. Тогда пути Засулич и Ленина разойдутся.

– Что же, будет интересно повидать эту историческую личность.

Прибыв на заседание школьного кружка, я зачитал доклад, который действительно оказался интересным народу. Они просто не знали многого из того, о чем я в нем говорил. Затем Сава напал на меня со словами.

– Брешешь, одни враки в докладе.

– Не тебе судить о нём. Кому надо, кто допущен к руководству партией, те всё поймут.

– Семёнов, почему ты так считаешь?

– Потому, что они это знают, а вы нет.

Как председатель кружка слово взял Зайсберг.

– Если доклад немного подредактировать, то я прочитаю его.

Тут уж я встал на дыбы.

– Я ничего редактировать не дам. Напишешь себе доклад и читай, а свой доклад я и сам смогу прочитать.

– Мы, как члены кружка, голосуем против твоего выступления. Ты недостойн читать доклад на маёвке.

– Эммануил, мне до одного места твоё голосование. Не хочешь, не надо, а будешь против меня народ подстрекать своим голосованием, я тебе морду набью.

– Ах ты, малолетка, сейчас ты пожалеешь!

Вот тут мы и схватились. Я врезал ему в солнечное сплетение, отчего он согнулся, а я тут же треснул его коленом по роже. Трое его товарищей тут же вскочили со своих мест, поддерживая избиваемого председателя. Один из них достал нож, второй кастет, а третий завернутую в газету арматуру. Получили все трое, правда, без членовредительства. Руки-ноги ломать не стал, но живот я им отбил качественно. Парни лежали на полу, лишь поскуливая, когда я бил их ногами. Заодно треснул вырванной из руки бойца арматурой каждому по икрам.

– С-с-сволочь!

– Ну чего, уроды, ещё хотите получить или достаточно? Короче, в случае проблем из-за вас, ваши тела выловят в Мойке, если раки с рыбами их раньше не съедят. Я понятно донёс свою мысль? Так что в эту субботу все идём на ваше собрание. Я уже сам хочу поприсутствовать на нем.

Я уже настроился на субботний поход в самое логово РСДРП, однако, тайная встреча не состоялась. Потом его ещё раз отложили, а потом я и забыл про неё, занимаясь своими делами.

Моня жаловался своему старшему брату.

– Изя, этот козел нас четверых избил, словно детей. Может, ну его, этого урода с докладом.

– Моня, понимаешь, я сказал товарищам, что будет молодёжь – наши верные помощники, которые зачитают доклад, который заинтересовал охранку. Поэтому нежелательно, чтобы я потерял лицо, проявив себя болтуном. Потерпи, а там разберёмся с ним.

Правда, вместо маёвки мне пришлось извещение явиться к следователю Орлову.

– Чем обязан, господин следователь?

– Алексей, вы напали и избili четырёх человек.

– Я в одиночку напал на четырёх человек, вы серьёзно?

– Увы, молодой человек, есть заявление, есть свидетельские показания, я обязан допросить по существу вопроса.

В общем, через месяц дело закончилось судом и месячными исправительными работами для меня, как злостному хулигану. В результате показаний членов кружка оказалось, что это я напал на ребят вначале с кастетом, потом ножом, а затем с куском арматуры, которые по очереди вынимал из своего кармана. После оглашения приговора прямо в зале суда я покрыл матом всех потерпевших, сказав что таких подонков, как они, надо расстреливать. Но ничего, походил после учёбы на общественные работы подметать улицы, а за примерное поведение и ударный труд меня освободили на три дня досрочно.

Глава 5. Маёвка

На девятое мая была назначена встреча, куда я прибыл вместе с пятью кружковцами во главе с Изей Зайсбергом. Я немного опасался, что они заведут меня в лес и попытаются физически посчитать за прошлое, но все обошлось. Я же решил с ними не связываться – перевоспитать, не перевоспитаешь, а проблем огрести можно.

Встреча революционеров и начинающих агитаторов из рабочих действительно была тайной, никаких арендованных дворцов с рестораном не было. Людей было много, примерно человек под пятьдесят, плюс нас, юных кружковцев, шестеро. Все собрались в пригородном лесу на настоящую маёвку. Вот тут я и увидел Веру Засулич. Я тихо спросил у Изи, который сидел рядом со мной.

– Кого ждём?

– Товарищ Ленин должен быть.

– Ох, ты-ы-ы!

Вскоре подошли Ленин, Коба, какая-то молодая женщина и ещё человека четыре, которых я совсем не знал. На встрече присутствовали как ветераны, так и начинающие рабочие-агитаторы с питерских корабельных заводов и моряк с Кронштадта.

Все-таки тяжёлое это дело – революцию готовить. Все они ходили под страхом каторги или высылки в Сибирь. А ведь у многих людей были семьи, стабильный доход на заводе, определённое положение. И всё равно, они рисковали своей карьерой и налаженной семейной жизнью ради светлых идей будущего. Я сидел и смотрел на них, стараясь запомнить выражение лиц, интонации, с которыми они говорили, их душевный порыв – они были действительно мужественными людьми.

К тому же мне была интересна вся маёвка, потому что здесь мне довелось общаться с людьми, творившими саму историю, и их самыми великими лидерами – Лениным и Сталиным, пусть в настоящее время они всего лишь перспективные революционеры.

Ленин, молодой 30-летний парень, вид имел достаточно залихватский, напоминающий молодого бычка с густым вьющимся чубом, совсем не имеющим своей знаменитой лысины и кепки. Мужик явно любил кутнуть и погулять, да и до дамского пола был весьма охочим, кстати, как и молодой Франклин Делано Рузвельт. Парвус и спецслужбы Германии явно учитывали это, когда выбирали лидера партии, на которого можно было сделать ставку. Исходили из того, что человеком, любящим разгульный образ жизни, проще управлять. Вот только Ленин их всех взял и обыграл, оказавшись не самовлюблённым дураком, а настоящим лидером государства. Я был поражён шириной его лба, живостью глаз и напором в общении убеждённого в своей правоте человека.

На встрече познакомился я и с Надеждой Крупской, коей оказалась пришедшая молодая дама. В этом возрасте она была достаточно симпатичной и обаятельной молодой женщиной. От тюрем и ссылок Крупская станет сильно болеть, и от её былой обаятельности не останется и следа. Она не сможет иметь детей, о чем очень жалел Ульянов, разовьётся Базедова болезнь, от которой глаза выпучатся и лицо приобретёт рыбье выражение. А добрые товарищи по партии за этот дефект дадут ей обидную кличку "Миного" или "Рыба".

Сталин, 21-летний парень, словно сторожевой пёс, сидел молча и настороженно, наблюдая за мной и остальными пришедшими на встречу людьми, как будто старался углядеть сущность каждого из присутствующих.

С Лениным мне было все более-менее понятно, а вот кто меня интересовал, так это товарищ Коба. Есть официальная биография Иосифа Виссарионовича. Однако в 21-м веке достаточно авторитетными учёными-историками, специализирующимися на периоде начала 1900-х годов, написаны труды о том, что по своей подготовке и кругозору Сталин был намного обра-

зованнее, чем говорит официальная биография. Тем более, учитывая слова самого Сталина, что он был противник тех иезуитских методов, которые царили в Тифлисской духовной семинарии, в связи с чем много пропускал и не доучился в ней. Гораздо большее вызывает доверие тот факт, что он являлся внебрачным сыном знаменитого путешественника генерал-майора Николая Пржевальского. Сравнивая их фотографии, это сходство сразу бросается в глаза, чего не скажешь об официальном отце. Конечно, мало ли кто на кого похож или непохож, если учесть анекдот «Пржевальский часто бывал в географических странствиях. Что в них с ним произошло, доподлинно не известно, но после одного из них лошадь взяла его фамилию». Так что учёные, сделавшие такое предположение, основываются на более убедительных фактах из тайной истории жизни Кобы.

Сталин уже в юности очень прилично знал немецкий и английский языки. В более поздний и советский период изучал фарси и французский, во время эмиграции пару лет жил в Турции, где научился турецкому разговорному. Ко всему прочему, он явно получил образование, гораздо более качественное, чем могла дать семинария. Это означает, что несколько лет его учили в более серьёзном заведении, чем прослушанные им занятия в реальной гимназии, и нескольких курсах семинарии, наполовину прогулянных из-за революционной деятельности. Возможно, что это было высшее офицерское училище, предположительно в Германии, учитывая тесные связи России с Пруссией. То есть его фактический папа, господин генерал-майор Пржевальский, помогал незаконнорождённому сыну стать образованным человеком в военном и экономическом формате. А дальше юное дарование использовался царской охранкой в революционных кругах, как двойной агент. Жандармы внедрили в руководство партии эсеров своего человека – Азефа, так почему бы им не внедрить такого же агента в партию социал-демократов?

Нельзя сбрасывать со счетов тот факт, что Ленин плотно общался с более молодым Сталиным, планомерно продвигая его на ответственные должности. Значит, Коба соответствовал уровню руководителя. В любом случае, когда я впервые увидел Иосифа Виссарионовича в его 21 год, он не производил впечатление примитива из деревни. Революционная карьера у Сталина была очень даже резвая. В 1906-1907 годах Иосиф Сталин участвовал в организации ряда экспроприаций в Закавказье, а проще говоря, грабил банки. Боевиков, которые грабили банки для нужд революционеров было много, однако лишь Сталин стал в 38 лет третьим человеком в партии ВКПб. В 1912 году будет введён в состав ЦК РСДРП. В это время он участвует в создании газет "Правда", "Звезда", а его статья "Марксизм и национальный вопрос", написанная в 1913 году, принесёт ему авторитет знатока национального вопроса. В ней Сталин описывает опасность "волны национализма" для государства, в частности, "сионизм среди евреев", "шовинизм в Польше", "панисламизм среди татар", национализм армян, грузин и украинцев», призвав социал-демократию "дать отпор национализму". За образец он предлагал взять демократизацию общества в Швейцарии.

С марта 1917 года участвует в подготовке Октябрьской революции – член Политбюро ЦК РСДРП(б) и член Военно-революционного центра по руководству вооружённым восстанием. В 1917-1922 годах станет народным комиссаром по делам национальностей. Когда 3 апреля 1922 года на пленуме ЦК РКП(б) была учреждена новая должность – генеральный секретарь ЦК, первым генсеком был избран Сталин. Её скрытая сила заключалась в том, что именно генеральный секретарь назначал низовых партийных руководителей, благодаря чему Сталин сформировал в среднем звене партийцев лично преданное ему большинство. После смерти Ленина Сталин объявит себя единственным продолжателем дела покойного вождя и его учения. Просунула же охранка своего человека не только в центральный комитет, но и в глубоко законспирированную даже в самой партии организацию – боевое крыло эсеров, и теперь пожинает плоды. Так что, возвращаясь к вопросу о Сталине, его истинный статус – чистый револю-

ционер или двойной агент, всё же остаётся открытым. Так что, не все так однозначно в деле товарища Сталина.

Вот такие мысли роились в моей голове, когда я смотрел на товарища Кобу. Тут раздалось слова, которые я, задумавшись, пропустил.

– А сейчас выступит наша молодая смена. Доклад прочитает Алексей Семёнов.

Меня ткнул в бок этот самый Зайсберг-старший, я поднялся и начал свой доклад.

– Товарищи, наблюдая со стороны за теми изменениями в жизни нашего общества, которые сейчас происходят, я озвучу некоторые выводы, касаемые революционного движения в стране. Также я провёл анализ перспектив работы партий для реализации социально-демократических изменений и тех последствий, к которым эти действия приведут. Вы – флагманы изменений, за вами тянутся готовые к переменам рабочие и мы, молодое поколение.

Далее я зачитал своё творение. Я не хвалил социал-демократов, а дал объективную оценку ситуации готовности российского общества к переменам. Где-то наезжал на них, где-то отмечал грамотность действий. А предмет разговора я знал достаточно хорошо. Потом было обсуждение доклада и споры, лейтмотивом которых был тезис, что я неправ. Так что мой доклад перерос в дискуссию. Я же прошёлся по делу Засулич, сказав, что в целом градоначальник возомнил себя Богом на земле, за что и поплатился. Но, говоря устами муровца Глеба Жеглова "вор должен сидеть в тюрьме", то есть я бы её расстрелял за такие дела. Хотя надо признать, что этот поступок отрезвил многих всесильных градоначальников и иных чинов, так что получается, что она стреляла не напрасно.

Вера, спокойная с виду женщина, чётко чеканя слова, словно стреляя пулями из нагана, ответила, что я ещё молод и много не понимаю. Но смысл её поступка оценил правильно, поэтому, отповедь в мою сторону она закончила словами: «Учитесь, получайте любые знания. Вы ещё молоды, но мыслите трезво. Может быть, из вас что-то и получится».

Затем мы дискутировали с Лениным, который иногда апеллировал к Кобе, мол, как он считает, являясь представителем относительно небольшого народа, правильность моих суждений по национальному вопросу.

– История нас рассудит, товарищи. Тем более, что ждать уже недолго. И все-таки сейчас революция преждевременна.

– Вы, товарищ Алексей, недооцениваете силу слова. Рабочие массы бурлят, их только необходимо направить в нужное русло.

– Товарищ Владимир, нет в стране революционной ситуации, не готовы люди к глобальным переменам.

– Да, сейчас нет ещё того размаха, но через два-три года мы поднимем рабочий класс вначале на стачки, а затем и на революцию. Работа агитаторов партии все эффективнее, стачкомы уже набирают силу, сознательность масс растёт, словно на дрожжах.

– Только в Петрограде, Киеве, Москве, Одессе, Харькове рабочие набрали какую-то силу. Сознательность остального пролетариата ещё слишком слаба, слишком малочисленны ваши революционные силы. Бурный рост промышленности только начался. Не забывайте, что Россия – это аграрная страна, в которой 80 % населения крестьяне, заметьте, тёмные, малограмотные люди. А они инертны. Революция делается тогда, когда в государстве есть много тех, кому нечего терять, кроме своих оков.

– И вы считаете, что пролетариат неспособен поднять и повести за собой массы обнищавших крестьян! Способен! И скоро он поведёт их в бой за светлое будущее.

– Не поведёт, потому что крестьяне верят в доброго царя.

– Революция, Алексей, делается в городах. Необходимо создать тотальное превосходство в нужном месте в нужное время, и мы захватим власть.

– А защищать, товарищ Ленин, кем её будете? Миллионная царская армия плюс наборы из казаков и крестьян. Они сметут боевые отряды рабочих. Крови прольётся море. Подняв

революцию сейчас, вы только положите на баррикадах наиболее сознательных и прогрессивно мыслящих людей.

– Критиковать может каждый, а что вы лично предлагаете?

– Чтобы люди решились на перемены, нужна война. Люди научатся убивать, многие лишатся не только привычного уклада жизни, но имущества и своих родных. Вот тогда эти обозлённые, умеющие держать в руках оружие, не боящиеся большой крови массы, сметут любые преграды к цели – своему светлому будущему. Вот этот момент нельзя упустить для агитации коммунистических идей в окопах на фронте, в деревнях, на заводах и в национальных окраинах, товарищ Коба.

– Обстановка в мире очень беспокойная, поднимает голову империалистическая Япония. Вот вам и грядущая война, Алексей. На её волне можно будет совершить революцию. Но до этого нужно проиграть войну, чтобы эйфория победы сменилась горечью поражения. Именно поражение и недовольство царизмом станет толчком к началу революционных действий.

– Не согласен с вами, товарищ Ленин. Япония набирает силу, но она далека. Война на Дальнем Востоке – это локальная война. Россия её проиграет из-за предательства высших чиновников в столице и тупости ряда командующих на фронте. Я говорю о войне, которая затронет всех. Это может быть только мировая война. И начнётся она в 1914 году. Имейте это в виду и готовьтесь к этому в своей работе.

– Может быть, вы и правы, но вы не обладаете всей полнотой знаний, а значит, делаете свои выводы на основе имеющейся в вашем распоряжении информации. Нас, товарищ Семёнов, рассудит время. Тогда и увидим, кто окажется прав.

– Пусть нас рассудит время, товарищ Засулич.

А про себя я подумал: «Это вы не обладаете всей информацией грядущих событий. Вы поднимете мятеж в 1905 году. Два года будет противостояние, пока ваши выступления не подавят. Хотя вы проведёте генеральную репетицию революции, попробуете управлять большими массами, пусть и прольётся много крови. Вы умные и за границей в разведках сидят тоже умные люди. Все сделают нужные выводы. А дальше – дальше будет мировая война, революция и гражданская война. Большевики окажутся наиболее жизнеспособной партией, доведшей дело до победы».

Тут ко мне снова обратился Ленин.

– Вы интересный юноша. Не ожидал, что встречу молодого, но обладающего таким трезвым взглядом на вещи, человека. Буду рад, если мы ещё встретимся и поговорим о революционных моментах. Но вначале подождём и посмотрим, как сбываются ваши прогнозы.

– Подождём, товарищ Ленин.

– Подождём, товарищ Алексей.

– Подождём, товарищ Коба. В 1912 году вы смените свой псевдоним и станете товарищем Сталиным.

– Хэ!

Я уселся на место, затем подскочил и попросил ещё слово.

– Простите, растерялся, вот и вылетело из головы. В заключении, товарищи, хотелось бы затронуть один вопрос, не вошедший в доклад. Этот вопрос будущего национального самоопределения народов России, который прорабатывается как разведками иностранных государств, так и вами, партийцами. Так вот, идеи и цели революции, конечно, благородны. Но в планировании устройства будущего советского государства, на мой взгляд, вы делаете огромную ошибку, закладывая бомбу замедленного действия.

– Какую ошибку, товарищ Семёнов, вы имеете в виду?

– Ошибка формирования государства по национальному признаку. Например, Россия многонациональное государство, Германия тоже, США однозначно. Так вот, в этих странах административное деление какое?

– Штаты, земли или губернии.

– Вот именно, товарищ Коба, нет никаких Турецких, Ирландских, Английских, Мексиканских и иных автономных республик. Зачем вы хотите сделать из относительно монолитного государства лоскутное? Такие образования есть готовые очаги национализма, где будет проводиться политика преференций национальным кадрам и угнетаться славянское и иное население!

– Но, национальный вопрос будет в любых случаях, всегда найдутся националисты.

– Всегда, но зачем давать им юридически готовую базу.

– И все же вы ошибаетесь, товарищ Семёнов. Мы хотим, чтобы появилось государство, где у всех народностей будет право иметь собственную культуру, собственный язык и традиции.

– А писать правительственные указы и осуществлять переписку в учреждениях вы тоже на языках всех народностей будете, переводя русский на пару сотен языков. В любом случае будет один общегосударственный язык и национальные, который в школе будут преподавать. Также фестивали разные, национальные праздники, местные поэты и писатели – все для того, чтобы сохранить культуру. Я же не против этого. Лучше вспомните историю всех лоскутных колониальных империй прошлого: византийской, римской, империи Македонского, Карла великого, Сасадинской, испанской эпохи конкистадоров или османской. Национальные движения расшатывают империи изнутри и они рушатся. Бывает, что им помогают развалиться аггрессоры со стороны, но всегда есть «пятая колонна», иначе говоря, предатели внутри.

Австрияками, которые очень боятся нашу империю, уже разжигается национальная вражда на её окраинах. Так же, как вы агитируете за революцию для народа, так их эмиссары агитируют за самоопределение. Они снабдят пушечное мясо оружием и бросят его в национальную мясорубку – чем больше русских и украинцев погибнет, тем лучше для Австрии, а мы будем заниматься подавлением постоянных восстаний. Разве вам пример Польши ничего не говорит – сплошной очаг напряжённости и террора.

– Вы в корне ошибаетесь. Мы воспитаем людей новой формации.

– Вы знаете, что революцию делают сильные и импульсивные люди, но её героев эта революция и съедает. Где все эти Робеспьеры и остальные вожди революций? Они лежат в земле с отрубленными головами. Как только положение определится, им на смену приходят карьеристы. Самоотверженные люди революционной формации, сделавшие революцию, через 20 лет состарятся и вымрут, на их место придут новые люди, меняющие реалии под себя. Скоро будут войны – все идёт к этому. И в тех странах, которые их проиграют, к власти также придут новые режимы, обещающие сделать из страны конфетку. В Германии махровым цветом расцветёт гипертрофированный национал-социализм под названием фашизм, который всем даст прикурить.

– Мы декларируем равенство всех национальностей.

– Именно, что декларируете, фактически все будет по-иному.

– Враги будут расстреляны.

– Это когда власть сильная, она не боится крови. Когда к власти придут либералы, а они придут, как только стабилизируется ситуация, она станет потакать всем, кому можно. Чего далеко ходить, здесь присутствует Вера Засулич и её пример очень показателен. Задумайтесь.

– Вы утрируете. И вообще, откуда вы все это знаете о будущем советского народного государства. Ваши фантазии напоминают бред сумасшедшего.

– Поживём, увидим. Сейчас вы на чьи деньги революцию делаете?

– Пожертвования рабочих, членские взносы партийцев.

– Это вы "Искру" печатать будете на жертвования, потому что их на большее не хватит.

А живете, да по заграницам ездите на всякие Интернационалы, стачки организуете на деньги западных спецслужб, и не рассказывайте мне сказки о жертвованиях. Вы, товарищ Ленин,

делаете революцию прежде всего на деньги Германии, в меньшей степени, Англии и Франции, а товарищ Александр Львович Парвус, он же Израиль Лазаревич Гельфанд, он же не кто иной, как ваш куратор от Германии, требуют от вас принятия решений, выгодных за границе. Кстати, Парвус довольно знаковое слово, которое с латыни переводится как «незаметный».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.